

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОЗЕФ С.

ФЛЕТЧЕР

ТАЙНЫ
РАЙЧЕСТЕРА

Золотой век английского детектива

Джозеф Флетчер
Тайны Райчестера

«АСТ»

1921

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Флетчер Д. С.

Тайны Райчестера / Д. С. Флетчер — «АСТ», 1921 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-104559-3

В провинциальный городок Райчестер, славящийся своим великолепным средневековым собором, прибывает множество туристов, и однажды одного из них, Джона Брэйдена, находят мертвым неподалеку от церковных стен. Случайный свидетель утверждает, что его столкнули с лестницы. Полиция начинает расследование, но неожиданно при странных обстоятельствах погибает и свидетель преступления...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104559-3

© Флетчер Д. С., 1921
© АСТ, 1921

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

JOSEPH SMITH

FLETCHER

.....

THE PARADISE
MYSTERY

.....

Джозеф С. Флетчер
Тайны Райчестера

Серия «Золотой век английского детектива»

Joseph Smith Fletcher
THE PARADISE MYSTERY

Перевод с английского *И.Л. Моничева*
Компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

© Перевод. И.Л. Моничев, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава первая

Всего лишь опекун

Американские туристы, основные ценители древнего и живописного в старой доброй Англии, неизменно замирают, затаив дыхание, словно при виде чуда, когда проходят через полуразрушенные ворота, ведущие на территорию, прилегающую к кафедральному собору в Райчестере. Нигде больше во всей Англии не царит такая преисполненная просветленного покоя атмосфера. Их глазам открывается вид на возвышающийся в центре обширного, покрытого травой пространства, которое носит название Клоуз, окруженный высокими вязами и гигантскими буками собор тринадцатого века. Его высокий шпиль пронзает небо, а вокруг него с вечными призывными криками кружат черные грачи. Под патиной времени камни кажутся будто покрытыми тонкой, как кружева, резьбой, а их цвет меняется от серого к пурпурному. Массивная солидность большого нефа и трансептов впечатляюще контрастирует с конусообразным шпилем, постепенно сужающимся и уходящим в такую высь над окнами хоров и угловыми башенками, что в самом конце он различим лишь как тонкая линия на фоне неба. И утром, и днем, и вечером здесь господствуют тишина и умиротворение; причем не только на территории самого храма, но и в причудливых старинных домах. Их стены фактически образуют ограду собора. Лишь немного менее древние, чем само массивное сооружение, на которое выходят увитые плющом окна, дома наводят наблюдателя на мысль, что если есть в мире место, где жизнь протекает плавно и размеренно, то находится оно именно здесь. За высокими фронтонами, за окнами со средниками на старинный манер, за красивыми и тоже очень старыми садами, раскинувшимися между каменными портиками и лежащими в тени вязов лужайками, можно вести ничем не омрачаемое и приятное существование. Даже улицы исторического центра города, по другую сторону от местами осыпавшихся ворот, кажутся порой чем-то далеким и чуждым.

В одном из самых старых домов, наполовину скрытом деревьями и кустами площади перед собором, ясным майским утром собрались за завтраком трое. Комната, где они расположились, соответствовала древности дома и всего его окружения – удлиненная, с низким потолком, с дубовыми панелями по стенам и дубовыми балками, на которых лежала кровля; старинная мебель, картины, книги – антикварную обстановку скрашивали лишь большие букеты цветов в фарфоровых вазах. Сквозь широкие окна, распахнутые настежь, открывался живописный вид на сад, а сквозь листву проглядывал камень западного крыла собора, мрачноватого сейчас в серой тени. Но сад и пропитанную цветочными ароматами комнату ярко освещали лучи солнца, сверкавшие в серебре и в посуде накрытого стола, озарявшие лица троих людей, которые сидели за ним.

Двое из них были молоды, а третий относился к тому типу мужчин, чей возраст с первого взгляда трудно определить – рослый, гладко выбритый, ясноглазый, с привлекательными чертами умного лица, в которых угадывалась принадлежность к благородной профессии. Его любой сразу же отнес бы к представителям ученого сословия. По временам свет падал так, что ему трудно было дать больше сорока лет, но яркое солнце выдавало тот факт, что в его темных волосах уже отчетливо проглядывала седина, особенно сгустившаяся на висках. Сильный человек, проникнутый духом интеллектуального превосходства над окружающими, этот безусловно державшийся и богато одетый мужчина полностью оправдывал свое положение – практикующего врача, вращавшегося среди элиты городского общества. Он излучал довольство собой и преуспевание. И когда он просматривал пачку писем, лежавших на подносе рядом с ним, или листал утреннюю газету, можно было понять, что у него не существовало никаких проблем, кроме повседневных забот наступившего дня, а они не грозили ему какими-либо

осложнениями. Наблюдая за ним в привычной обстановке домашнего уюта, где столь многое свидетельствовало о привычке к комфорту, утонченности и даже роскоши, можно было бы прийти к выводу, что доктор Марк Рэнсфорд, несомненно, принадлежал к числу хозяев жизни, к сильным мира сего.

Вторым из троих за столом был подросток лет шестнадцати – хорошо сложенный, приятной наружности старшеклассник. Он деловито совмещал два занятия: поглощал яичницу с беконом и поджаренным ломтиком хлеба, но при этом уткнулся в учебник латыни, который развернул перед собой, воспользовавшись как подставкой старомодным серебряным графином. Его быстрый взгляд попеременно перемещался со страниц книги в сторону тарелки, и время от времени он произносил себе под нос фразы из учебника. Его компаньоны не обращали на подобную комбинацию процессов насыщения и обучения внимания. Они давно знали, что только за завтраком он мог компенсировать время, не отданное занятиям накануне вечером.

Не составляло труда заметить, что девушка лет девятнадцати или двадцати приходилась юноше сестрой. У обоих были густые русые волосы, которые у девушки имели чуть золотистый оттенок; серые глаза с проблеском голубизны; кожа лица отливала ровным румянцем; в каждом из них бросалась в глаза привлекательная внешность и отменное здоровье. При взгляде на брата с сестрой не возникало сомнений, что оба проводили много времени на свежем воздухе: юношу отличало хорошее физическое развитие и рельефная мускулатура, а в девушке едва уловимые приметы выдавали близкое знакомство с теннисной ракеткой и клюшкой для гольфа. Вряд ли сторонний наблюдатель мог бы ошибиться, посчитав, что молодые люди состоят в кровном родстве с мужчиной во главе стола – между ними не угадывалось ни малейшего сходства ни в чертах лица, ни в цвете волос, ни в манере поведения.

Пока юноша дочитывал последние латинские параграфы, доктор листал газету, а девушка погрузилась в чтение письма – судя по крупному и размашистому почерку, обширное послание от подруги. Она была полностью поглощена письмом, когда в одной из башен собора зазвонил колокол. Услышав его, она посмотрела на брата.

– А вот и «Мартин», Дик! – воскликнула сестра. – Тебе пора поторопиться.

Много лет назад один из достойных граждан Райчестера, Мартин, завещал изрядную сумму денег настоятелю собора и его капитулу при условии, что, пока стоит собор, колокол в одной из малых башен будет звонить три минуты ровно в девять часов утра. Никто не знал, чего хотел добиться Мартин, но с тех пор колокол неизменно напоминал молодым людям, собиравшимся на работу, и школьникам, что их время почти истекло. И Дик Бьюэри молча допил свой кофе, схватил книгу, нацепил кепку, лежавшую с другими книгами на соседнем стуле, и исчез через открытое окно. Доктор рассмеялся, отложил газету и протянул через стол свою чашку.

– Не думаю, что тебе следует беспокоиться о Дике, Мэри, – сказал он. – Такие, как он, не опаздывают. Ты недооцениваешь силу и проворство ног семнадцатилетнего бегуна. Дик доберется до любого нужного места всего за четверть того времени, которое потребуется для этого, например, мне. К тому же наш проныра знает, как срезать путь в любую часть города.

Мэри Бьюэри взяла его пустую чашку и наполнила ее снова.

– Мне не нравится, что он все делает в последний момент, – заметила она. – Именно так возникают дурные привычки.

– Брось, – снисходительно отозвался Рэнсфорд. – Он, как тебе известно, не пристрастился ни к чему плохому. У меня нет даже оснований подозревать, что Дик хотя бы покуривает.

– Он не курит лишь потому, что опасается дурного влияния табака на свой рост и успехи в крикете, – возразила Мэри. – Если бы не это, Дик бы давно начал дымить.

– Для него это комплимент, – произнес Рэнсфорд. – И трудно придумать более высокую похвалу! Человек умеет сдерживать свои дурные наклонности. Превосходное качество характера и достаточно редкое, как я полагаю. Большинство людей на подобное не способны.

Он взял свою чашку со свежим кофе, встал из-за стола и открыл коробку с сигаретами, стоявшую на каминной полке. А Мэри посмотрела на него с сомнением.

– Это напомнило мне о том, что я собиралась обсудить с тобой, – сказала она. – Ты прав, говоря о людях, не умеющих сдерживать свои наклонности. Я... Мне, право, жаль, что с некоторыми обстоит именно так!

Рэнсфорд резко повернулся и окинул Мэри пристальным взглядом, заставив ее щеки покрыться густым румянцем. Она опустила голову, взяла письмо и начала нервными движениями складывать листки.

– Ты говоришь о Брайсе? – произнес Рэнсфорд.

Мэри кивнула, а на ее лице отчетливо отразились досада и брезгливость. Прежде чем продолжить, Рэнсфорд прикурил сигарету.

– Он снова взялся за старое? Не оставляет попыток надоедать тебе?

– Причем уже трижды, – ответила она. – Не хотела говорить тебе. Но что остается? Он внушает мне глубокое отвращение. Даже не знаю почему, но факт остается фактом, и ничто не способно изменить этого чувства. И хотя я объясняла ему, что все его потуги бесполезны, он снова завел разговор на данную тему вчера на приеме в саду у миссис Фоллиот.

– Какая неслыханная наглость! – воскликнул Рэнсфорд. – Что ж, тем лучше! Теперь я с ним разберусь лично. Нет смысла ходить вокруг да около в подобных вопросах. Однажды я уже сделал прозрачный намек. Но если он не понимает простых слов – тем хуже для него!

– Что ты можешь предпринять? Ты же не заставишь его уволиться и уехать?

– Если в нем осталась хотя бы капля здравого смысла, после того, что я скажу ему, он сам уйдет. И не забывай себе этим голову. Я тоже от него не в восторге. Брайс достаточно умен, из него получился неплохой ассистент, но как личность он мне не нравится. И никогда не нравился.

– Мне только не хочется думать, что мои слова могут повредить ему в работе – кем бы он у тебя ни числился, – медленно произнесла Мэри. – Возникнет ситуация...

– Не надо волноваться за него! Он легко найдет себе другое место. А мы не можем позволить ему продолжать докучать тебе. Нужно быть последним ослом! Когда я был молод...

Он вдруг осекся, повернул голову в сторону окна и стал смотреть в сад, словно его посетило некое неожиданное воспоминание.

– Когда ты был молод – что, конечно же, дела давно минувших дней... – слегка поддразнивая его, промолвила Мэри. – О чем ты хотел рассказать?

– Во времена моей молодости, если женщина говорила «нет» твердо и недвусмысленно, мужчина принимал его как окончательный отказ, – заявил Рэнсфорд. – По крайней мере, так было принято среди людей моего круга. Но, как я вижу, в наши дни...

– Ты забываешь, что мистер Пембертон Брайс принадлежит к числу так называемых пробивных молодых людей, – заметила она. – И если есть что-то в этом мире, чего он не получает, то не потому, что не приложил усилий. Но если ты считаешь, что должен поговорить с ним – а мне теперь это представляется необходимым! – скажи ему твердо: ему меня не получить. Надеюсь, от тебя, моего опекуна, он воспримет отказ как последнее слово.

– Даже не знаю, берет ли кто-либо в расчет в эти упадочные дни мнение родителей или опекунов, – усмехнулся Рэнсфорд. – Однако я сделаю все, чтобы Брайс больше не досаждал тебе. Ведь для тебя это стало предметом постоянного беспокойства, или я не прав?

– Как тут не раздражаться, если к тебе в женихи трижды напрашивается человек, которому ты прямо заявила, что не желаешь иметь с ним ничего общего. Это возмутительно!

– Хорошо, – тихо произнес Рэнсфорд. – Я поговорю с ним. Ты можешь жить, ни о чем не тревожась.

Мэри бросила на него быстрый взгляд, и Рэнсфорд отвернулся от нее, чтобы заняться своей корреспонденцией.

– Спасибо, – сказала она, – но только тебе не надо даже упоминать об этом. Я и так все знаю. Однако я хотела просить тебя рассказать мне о чем-то еще.

Рэнсфорд пожал плечами, но заметно насторожился.

– О чем же? Что ты хочешь обсудить?

– Может, ты наконец просветишь меня о нас – обо мне самой и о Дике? Ты обещал сделать это, помнишь? Говорил, что наступит день... А с тех пор минул уже год. Дику исполнилось семнадцать лет! Ему, как и мне, мало знать, что наши папа с мамой умерли, когда мы были маленькими, а тебя назначили нашим опекуном. И при этом ты столько сделал для нас! Не пора ли все расставить по своим местам?

Рэнсфорд положил на прежнее место свои письма, а потом, сунув руки в карманы, прислонился к полке над камином.

– А ты не думаешь, что лучше подождать, пока тебе не исполнится двадцать один? – спросил он.

– Почему? – удивилась Мэри. – Мне уже двадцать лет. Неужели ты думаешь, что через двенадцать месяцев я стану умнее? Разумеется, нет!

– Этого никто не знает. Ты можешь стать значительно мудрее и опытнее, чем сейчас.

– Но при чем здесь вообще мой возраст? Разве есть какая-то особая причина, мешающая все рассказать мне прямо сейчас?

Во взгляде Мэри уже читалась даже не просьба, а требование, и Рэнсфорд, конечно, ожидавший, что подобный момент неизбежно наступит, понял: она не примет его обычных отговорок. Но он все еще колебался, и она продолжила:

– Пойми же и нас. Мы ничего не знаем. Ничего вообще. Со мной ты не разговаривал, а Дик до недавнего времени оставался несмышленным, чтобы его это интересовало.

– Он начал задавать вопросы? – насупившись, поинтересовался Рэнсфорд.

– Да, приставал ко мне пару раз, – ответила Мэри. – По вполне понятным причинам. Сейчас многие шутят, что не так уж важно знать, кем являлся твой дед, но, вдумайся, мы ведь не знаем даже, кем был наш отец. Есть только имя – Джон Бьюэри. Но этого мало.

– Вам известно больше, – заметил Рэнсфорд. – Я рассказал тебе, что он был моим давним другом, деловым человеком, который, как и ваша матушка, рано умер, а я, самый близкий друг семьи, стал опекуном для тебя и Дика. Что еще я могу сообщить?

– Есть нечто, о чем я желала бы знать. Я не хочу обидеть тебя или причинить тебе боль прямою своего вопроса. Уверена, ничего подобного пока и в голову не приходило Дику, но я все-таки на три года старше. Так вот, скажи честно: тебе приходится содержать нас за свой счет?

Рэнсфорд покраснел и снова отвернулся к окну, несколько мгновений глядя на сад и на фрагмент стены собора. А потом посмотрел Мэри в лицо.

– Нет! Все совсем не так, – сказал он. – И раз уж ты спросила, я посвящу тебя в положение дел. У вас обоих есть свои деньги, вы получите их по достижении совершеннолетия. Пока они... Короче, пока ими распоряжаюсь я. Сумма не огромная, но достаточная, чтобы покрыть ваши расходы. Когда тебе исполнится двадцать один год, я передам тебе твою часть. Затем настанет очередь Дика. Вероятно, я действительно обязан был поставить тебя в известность раньше, однако не считал вопрос насущным. Это недостаток моего характера – позволять событиям развиваться постепенно. Наверное, я многое упускаю из виду.

– Что касается нас, ты никогда и ничего не упустил из виду, – поспешила заверить Мэри, посмотрев на него так, что он снова невольно отвел взгляд. – А спросила я только из беспокойства, что мы столь многим обязаны исключительно тебе.

– Я не мог внушить тебе подобной мысли! – воскликнул доктор.

– Разумеется, нет. Но ты должен понять, как для меня это важно. Спасибо, что все прояснил. Больше я пока не стану тебя ни о чем расспрашивать.

– Мне действительно нужно многое вам рассказать, очень многое, – признал Рэнсфорд после паузы. – Но, понимаешь, до сих пор трудно поверить, что вы оба уже взрослые! Ты год назад окончила школу. Дик еще очень юный. Но я хотя бы отчасти удовлетворил твоё любопытство? Если нет, тогда...

– Ты ответил на важный вопрос, – сказала Мэри. – Надеюсь, в недалеком будущем расскажешь мне подробнее о папе и маме? Но сейчас давай больше не будем об этом. Я не обидела тебя, поинтересовавшись денежной стороной дела?

– Нет, конечно же, нет! – воскликнул Рэнсфорд. – Мне надо было самому догадаться. И мы обязательно продолжим разговор. А сейчас мне нужно отправляться в операционную, где, кстати, я и побеседую по душам с Брайсом.

– О, если бы ты только смог вразумить его и заставить пообещать прекратить свои домогательства, которые уже становятся оскорбительными! Разве в таком случае не все проблемы будут решены?

Рэнсфорд молча покачал головой. Прихватив с собой пачку писем, он вышел из комнаты и направился длинным, возведенным из камня проходом, который вел к хирургическому кабинету в дальней стороне дома. Войдя туда, он закрыл за собой дверь и пробормотал:

– Боже, помоги мне, если однажды парень захочет узнать всю правду, а потом потребует предъявить факты и доказательства. Я ничего не имею против, если придется выложить все начистоту ей, когда она немного повзрослеет. Но он! Он никогда не сможет понять меня, как Мэри. Пока, хвала Господу, я имею возможность держаться сладкой сказочки о деньгах, а она не подозревает, что сегодня я ей солгал. Но что принесет будущее? Уже выискался мужчина, от которого необходимо избавиться, а ведь появятся другие, и один из них придется ей по сердцу. И ему нужно будет во всем признаться! А значит, и ей тоже. Какое счастье, что она не замечает моей безумной любви к ней! Она понятия не имеет об этом и никогда ничего не узнает. Я должен оставаться для нее всего лишь опекуном!

Рэнсфорд рассмеялся и бросил пачку писем на письменный стол, а затем принялся вскрывать их. За этим занятием его застал, войдя через боковую дверь, мистер Пембертон Брайс.

Глава вторая

Наживая себе врага

Пембертона Брайса отличала привычка всегда входить в любую комнату так, словно ее обитатель спал и он опасался разбудить его. У него была мягкая походка, почти бесшумная, но не крадущаяся, а движения так осторожны, что Брайс часто оказывался рядом с кем-либо раньше, чем его замечали. Вот и сейчас он уже стоял у стола Рэнсфорда, а тот даже не подозревал о его появлении в хирургической. И внезапное осознание его присутствия вызвало у доктора раздражение, которое поначалу ему удалось подавить. Какой смысл вздорить по пустякам с человеком, если собираешься избавиться от него? Ответив на приветствие своего ассистента, такое же тихое, как его приход, он продолжил знакомство с письмами, после чего Брайс перешел в ту часть операционной, где хранились медикаменты, и занялся приготовлением какого-то снадобья по рецепту. Десять минут пролетели в молчании. Затем Рэнсфорд отодвинул письма в сторону, прижал их папье-маше и развернул кресло в сторону человека, которому собирался высказать нечто неприятное. Интересно, как все это воспримет Брайс?

Он действительно никогда не питал симпатий к своему ассистенту, хотя тот работал у него уже два года. В натуре Пембертона Брайса присутствовало нечто, чего Рэнсфорд не понимал и не в силах был постигнуть. Брайс пришел с отличными отзывами и хвалебными рекомендациями. С работой справлялся, превосходно ладил с любыми пациентами, показал задатки хорошего терапевта. В общем, с профессиональной точки зрения никаких претензий к нему не было. Но у Рэнсфорда его личность вызвала отторжение. Почему? Он и сам не смог бы этого объяснить. Внешне Брайс выглядел презентабельно – высокого роста приятный молодой человек лет двадцати восьми. Таких многие, особенно женщины, записывали в разряд красивых мужчин. Он понимал необходимость хорошо одеваться и всегда безукоризненно выглядеть, причем умел это делать со вкусом, а его профессиональные навыки не оставляли желать ничего лучшего. Но Рэнсфорд скоро научился видеть различия между Брайсом-медиком и Брайсом-индивидуумом, и последнего-то он недолюбливал. За пределами профессиональной деятельности Брайс был, несомненно, человеком двуличным, скрытным и хитрым. Создавалось впечатление, что он старается узнать о других все, не откровенничая о себе самом. В частной жизни Брайс как будто оставался постоянно настороже и явно держал при себе какие-то секреты. Рэнсфорд не сумел бы объяснить, почему он так считает, однако они представлялись ему отвратительными. В общем, в повседневном общении он своего ассистента не любил, а в данный момент, когда смотрел на него, это чувство едва ли могло быть сильнее.

– Мне надо с вами поговорить, – произнес Рэнсфорд. – И лучше прямо сейчас.

Брайс, который медленно переливал жидкость из одной бутылочки в другую, бросил взгляд через комнату, но не прервал своего занятия. Рэнсфорд знал, что ассистент не мог не почувствовать определенной значимости, вложенной в только что обращенные к нему слова, но виду не подал, и жидкость перетекала из сосуда в сосуд той же ровной, ни разу не дрогнувшей струйкой.

– О чем же? – спросил Брайс. – Дайте мне еще секунду.

Он невозмутимо закончил работу, заткнул бутылочки пробками, пометил одну из них, вернул вторую на прежнее место в шкаф и только после этого повернулся. «Такого типа нелегко выбить из колеи, а еще труднее заставить врасплох», – думал Рэнсфорд, глядя Брайсу в лицо.

– Мне жаль, что приходится затрагивать данную тему, – начал доктор, – но вы сами виноваты. Некоторое время назад я косвенно дал понять, что ваше повышенное внимание к мисс Бьюэри ей не нравится.

Небрежным движением Брайс присел на край стола, на котором только что возился с лекарствами и пузырьками, достал из кармана жилетки пилочку и принялся тщательно полировать свои аккуратно постриженные ногти.

– Неужели? – произнес он после паузы. – И что?

– Несмотря на предупреждение, – продолжил Рэнсфорд, – вы снова обращались к ней по тому же поводу. Причем трижды.

Брайс убрал пилочку, сунул руки в карманы и скрестил ноги, всем своим видом показывая, что чувствует себя раскованно.

– Это обширная тема для разговора, – заметил он. – Если мужчина хочет, чтобы молодая женщина стала его женой, какое право имеет другой человек или, если уж на то пошло, даже сама эта женщина запрещать ему высказывать свое желание?

– Никакого, – согласился Рэнсфорд, – при условии, что он делает это однажды и принимает ответ как окончательный.

– Я придерживаюсь иного мнения, – возразил Брайс. – Особенно в том, что касается последней части вашего высказывания. Мужчина, принимающий любое слово женщины как окончательное, попросту дурак. Если в понедельник женщина придерживается одного мнения, то она наверняка изменит его уже во вторник. Вся история человеческих взаимоотношений подтверждает мою точку зрения. Впрочем, это даже не точка зрения, а факт.

Рэнсфорд опешил от столь нахальной откровенности, позволив Брайсу спокойным и даже небрежным тоном продолжить, словно они обсуждали медицинскую проблему:

– Повторю: мужчина, принимающий первую реакцию женщины как окончательную, попросту глуп. Существует множество причин, в силу которых женщина не способна принять правильное решение, когда предложение ей делают в первый раз. Она может быть удивлена и смущена. Ей трудно что-либо решить сразу. Она может сказать одно, хотя на уме у нее совершенно иное. И во втором разу она, как правило, тоже еще не готова. Многие женщины – особенно молодые – не уверены в себе даже в третий раз. Все это подсказывает обычный здравый смысл.

– Нет уж, позвольте мне объяснить вам, что подсказывает здравый смысл! – внезапно воскликнул Рэнсфорд. – Я не собираюсь вдаваться в дискуссии по поводу теорий или идей. Мне известна по крайней мере одна девушка, вполне уверенная в себе. Мисс Бьюэри не питает к вам никаких теплых чувств сейчас, как не начнет питать их в любое другое время! Она вам заявила об этом трижды. Ваша обязанность – принять ее ответ, чтобы вести себя соответственно!

Брайс окинул его испытующим взглядом.

– Откуда мисс Бьюэри знать, какие пристрастия появятся у нее в будущем? – усмехнулся он. – Она способна изменить мнение обо мне, чтобы счесть достойным избранником и спутником жизни.

– Нет, ничего подобного не случится! – заявил Рэнсфорд. – Лучше выслушать горькую правду и покончить с этим раз и навсегда. Вы ей не симпатичны, и ее слово окончательно. Почему вы не можете принять ответ с достоинством настоящего мужчины?

– Зависит от того, какими достоинствами вы наделяете настоящего мужчину, – заметил Брайс.

– Это – одно из них. И немаловажное.

– Для вас – может быть. Но не для меня. Согласно моей концепции, настоящий мужчина целеустремленный и настойчивый. В этом мире нельзя ничего добиться, если покорно и на каждом шагу отступать от того, что наметил.

– Вы не получите моего опекунского согласия в любом случае, – внезапно заявил Рэнсфорд. – Она не желает выходить за вас замуж, о чем уведомила три раза. По-моему, вполне достаточно. Я полностью поддерживаю ее решение.

– Что вы против меня имеете? – по-прежнему спокойно поинтересовался Брайс. – Если полностью поддерживаете ее, вам что-то во мне не нравится. Что именно?

– А вот это вопрос, который вы задавать не должны, – произнес Рэнсфорд, – потому что прояснять его нет никакой необходимости. И я не стану отвечать на него. Я ничего не имею против вас в профессиональном плане и готов дать вам наилучшие рекомендации.

– Ах, вот даже как, – усмехнулся Брайс. – Это означает, что вы желаете избавиться от меня?

– Думаю, так будет лучше для всех.

– В таком случае я обязан выяснить, что вы имеете против меня, как и то, чем я не угодил мисс Бьюэри. Почему я вызываю решительные возражения как претендент на ее руку и сердце? Уж вам-то прекрасно известно, кто я такой. Вы знаете, что мой отец тоже является представителем общей для нас медицинской профессии, он достойный человек, с хорошей репутацией. Как и я сам пришел к вам с превосходными отзывами коллег. Взгляните на меня с позиций будущего, открывающегося передо мной, и поймете, что я – завидный жених. Кстати, не забывайте еще об одном важном моменте – у меня нет никаких тайн!

Рэнсфорд резко развернулся в кресле, уловив особый смысл, вложенный Брайсом в последнюю фразу.

– Что вы хотите сказать? – требовательно спросил он.

– Только то, что сказал. У меня нет ни от кого секретов. Я могу ответить на любой вопрос, который меня касается. А вот вы не можете утверждать того же по поводу своего опекуна. Таковы факты, доктор Рэнсфорд.

За долгие годы Рэнсфорд научился сдерживать свой темперамент – вообще-то порой излишне горячий. Сейчас ему пришлось приложить к этому изрядное усилие, подозревая, что за словами ассистента кроется нечто реальное, о чем тот и хотел его намеком уведомить.

– Повторю свой вопрос еще раз, – произнес он. – Что конкретно вы имеете в виду?

– Я поневоле что-то узнаю, – ответил Брайс. – Люди склонны сплетничать, а доктору часто приходится выслушивать словоохотливых пациентов. С тех пор как год назад она пришла к вам из интерната, жителей Райчестера весьма заинтересовала личность мисс Бьюэри, как и ее брата. И очень многие обитатели вашего района – а вы знаете, как любопытны они бывают! – хотели бы знать, кто на самом деле такие брат и сестра и кем они приходятся вам лично.

– И что им неймется, черт побери! – воскликнул Рэнсфорд.

– Справедливое негодование, – кивнул Брайс. – И что до меня, то пусть горят в аду досужие болтуны-обыватели, но подумайте о более избранных кругах, о светском обществе нашего городка, которое включает в себя в основном родственников покойных настоятелей, каноников, управляющих церковным округом и им подобных. О бывших монахинях, старых девах, любительницах коллективных чаепитий. Если вы полагаете, что они избегают сплетен, то вы наивный человек!

– Лучше бы им прекратить распускать слухи обо мне. В противном случае...

– Вы никак не сможете помешать им обсуждать ваши дела, – перебил Брайс с довольной улыбкой. – Они естественным образом перемывают ваши косточки: сплетничали о вас, сплетничают сейчас и будут продолжать сплетничать. Такова человеческая натура!

– Вы сами слышали все это? – спросил Рэнсфорд, слишком раздосадованный, чтобы скрыть свой интерес. – Вы лично?

– Как вам должно быть известно, я часто получаю приглашения к чаю и на различные вечеринки, на игру в теннис, а также прочие мероприятия, которым оказывают покровительство отцы церкви, где обычно кормят сдобными булочками. И я все слышал сам. Могу даже воспроизвести реплики по данному поводу. «Эта милая, прелестная мисс Бьюэри – до чего же очаровательная девушка! А ее симпатичный братик тоже просто чудо! Но все же любопытно,

кто они такие? Конечно, конечно, подопечные доктора Рэнсфорда! Как это романтично, но странно, не правда ли? Сравнительно молодой мужчина стал опекуном привлекательной юной особы! Ему едва перевалило за сорок пять, а ей – двадцать... Очень, очень романтично! Но все же в подобной ситуации уместно было бы завести для нее компаньонку».

– Проклятие! – воскликнул Рэнсфорд.

– В самую точку! – согласился Брайс. – Однако таковы обстоятельства. Хотите услышать что-нибудь еще? Я наслушался много чего.

– Значит, в придачу к вашим прочим качествам, – заметил Рэнсфорд, – вы еще и разносчик сплетен?

Брайс чуть заметно улыбнулся и покачал головой.

– Нет, – возразил он. – Я всего лишь слушатель. Но, признаюсь, слушатель внимательный. Теперь вы поняли, что я имел в виду? У меня нет секретов. И если мисс Бьюэри окажет мне честь, став моей супругой, то она получит в мужья человека, чье происхождение выдержит самую строгую проверку.

– Вы намекаете на то, что о ней нельзя сказать того же? – резко спросил Рэнсфорд.

– Я ни на что не намекаю. Я говорю только от своего имени и о себе. Если угодно, воспринимайте это как попытку уговорить вас – ее опекуна – изменить мнение обо мне. Поддержав мои притязания, вы поступите разумно, доктор Рэнсфорд. Все может обернуться гораздо хуже.

– Притязания? Вы ни на что не можете иметь притязаний! О чем вы вообще говорите?

– Назовите это намерениями, – произнес Брайс. – Если с мисс Бьюэри связана какая-то тайна, как предполагают в Райчестере, то я сохраню ее. Что бы вы обо мне ни думали, но человек я надежный. Особенно когда это в моих же интересах.

– А если не в ваших? Какой человек вы в таком случае? Говорите, если уж пошли на откровенность.

– Из меня может получиться очень опасный враг.

Воцарилось продолжительное молчание, мужчины пристально и оценивающе взглядывались друг в друга.

– Я всего лишь сказал вам правду, – прервал паузу Рэнсфорд. – Мисс Бьюэри наотрез отказывается даже рассматривать возможность когда-либо соединиться с вами узами брака. И она от души надеется, что данную тему вы больше никогда не будете затрагивать в беседах с ней. Вы дадите мне слово чести, что станете впредь уважать ее пожелание?

– Нет, – ответил Брайс. – Такого обещания я вам не дам.

– Отчего же? – удивился Рэнсфорд. – Почему не уважить желание дамы?

– Потому что она вскоре изменит свое решение. Вот в чем причина.

– Вам не дождаться изменения ее решения! – отрезал Рэнсфорд. – Это ваше последнее слово?

– Я не из тех, кто легко меняет свои планы. Другого ответа не будет.

– Что же, в таком случае, – сказал Рэнсфорд, – нам лучше будет с вами расстаться.

Он встал из-за стола, подошел к стоявшему в углу сейфу, отпер его и достал какие-то документы. Внимательно просмотрев одну из бумаг, повернулся к Брайсу.

– Помните условия нашего соглашения? – спросил Рэнсфорд. – Ваше увольнение может быть осуществлено при уведомлении о подобном решении одной из сторон за три месяца до наступления срока или же, по моему желанию, немедленно – с выплатой вам вперед трехмесячного жалования.

– Верно, – кивнул Брайс. – Разумеется, я помню.

– Тогда я выпишу вам чек на сумму вашего жалования за три месяца незамедлительно, – сказал Рэнсфорд, усаживаясь за стол. – Это уладит сложившуюся ситуацию и, надеюсь, не вызовет возражений с вашей стороны.

Брайс стоял, опершись на стол и наблюдая, как Рэнсфорд оформляет чек. Но когда Рэнсфорд положил готовый чек рядом с ним, он не сделал даже движения, чтобы взять его.

– Вы понимаете, – заметил Рэнсфорд уже с извиняющейся интонацией, – что я не могу поступить иначе. Нельзя допустить, чтобы мужчина, который, мягко говоря, ей неприятен, досаждал моей воспитаннице. Повторяю, Брайс, вам следует понимать мои мотивы!

– Мне нет до них никакого дела. У вас свое мнение, у меня – свое. На самом деле вы незатейливо прогоняете меня как простого и нечистого на руку слугу, потому что мое предложение просто превосходно как для нее, так и для меня, если мисс Бьюэри все же примет его. Вот в чем суть вопроса.

Рэнсфорд посчитал, что может теперь позволить себе посмотреть на Брайса с неприкрытым любопытством. Все кончено. Но его уволенный ассистент воспринял известие так спокойно, что это не могло не вызывать у Рэнсфорда интереса.

– Вы для меня непостижимы! – воскликнул он. – Не могу понять, кем вас считать: самым циничным молодым человеком, какого я когда-либо встречал, или же обыкновенным тупоголовым...

– Второй вариант ошибочен, – усмехнулся Брайс.

– Но вы же не можете не видеть сами, что девушка отвергает вас! А кроме того, у нее могут быть совершенно другие планы и привязанности.

Брайс, который уже пару минут смотрел в окно, внезапно рассмеялся и указал в сторону сада. Рэнсфорд повернулся и увидел, как Мэри Бьюэри идет вместе с высоким молодым человеком, Сэквиллом Бонэмом – пасынком мистера Фоллиота, состоятельного обитателя прилежавшего к собору района. Они о чем-то болтали и смеялись, явно проявляя друг к другу дружеские чувства.

– Вероятно, – тихо заметил Брайс, – именно об этих планах и привязанностях вы завели речь? В таком случае, доктор Рэнсфорд, у вас возникнут проблемы. Миссис Фоллиот, мамаша этого молокососа, как раз принадлежит к тем избранным леди, о которых я вам только что рассказал. И если ее сыночек сойдется с кем-то, она пожелает досконально знать все о его избраннице. Вам было бы спокойнее поддержать мою кандидатуру! Однако... Как я полагаю, наш разговор на этом закончен.

– Да, – подтвердил Рэнсфорд. – Остается только пожелать вам доброго дня и распрощаться. Вам ни к чему задерживаться, я сам справлюсь с работой. А сейчас мне нужно отправиться по делам. Думаю, больше вам прощаться здесь ни с кем не следует.

Брайс молча кивнул, а Рэнсфорд, взяв шляпу и перчатки, вышел через боковую дверь. Через мгновение Брайс наблюдал, как он пересекает Клоуз – площадь перед собором.

Глава третья

Лестница святого Райты

Только что уволенный ассистент остался в одиночестве. Он постоял в задумчивости, а потом подошел к письменному столу Рэнсфорда и взял чек. Внимательно просмотрев его, аккуратно вложил внутрь своей записной книжки, после чего принялся собирать немногие вещи: инструменты, книги и разного рода мелочи, лежавшие в ящиках столов и на полках шкафов. Он как раз укладывал все это в сумку, когда донесся негромкий стук в дверь, через которую в операционную обычно попадали пациенты.

– Войдите! – отозвался Брайс.

Никакой реакции не последовало, хотя дверь приоткрылась. Стук повторился, и Брайсу пришлось пересечь комнату, чтобы открыть дверь полностью.

На дороге стоял пожилой худощавый мужчина, с виду совершенно безвредный. Он смотрел на Брайса чуть вызывающе и одновременно нервно и застенчиво, словно опасался, что его осудят за непрошеное вторжение. Внимательный к деталям и наблюдательный Брайс сумел одним взглядом оценить гостя, отметив рано постаревшее, изрезанное глубокими морщинами лицо, седые волосы и усталые глаза. Этот человек, сказал он себе, пережил немало неприятностей на своем веку. Однако не бедняк. Посетитель был одет неплохо и даже дорого, в том стиле, который предпочитают обеспеченные горожане. Пальто, отменного покроя костюм, новая, отделанная шелком шляпа, рубашка и ботинки. В опрятно завязанном галстуке сверкала тонкой работы булавка с бриллиантом. Откуда же тогда эта сразу бросавшаяся в глаза застенчивая и чуть испуганная манера держаться?

– Простите... Доктор Рэнсфорд у себя? – спросил незнакомец. – Мне сказали, что это его дом.

– Доктор Рэнсфорд вышел по делам, – ответил Брайс. – Пять минут назад. Это его хирургическая. Могу я вам чем-то быть полезен?

Мужчина колебался, глядя внутрь комнаты за спину Брайса.

– Нет, благодарю покорно. Я... Мне не нужны его профессиональные услуги. Хотел просто повидаться с доктором Рэнсфордом. Понимаете... Дело в том, что я когда-то был знаком с человеком, который носил эту фамилию. Но сейчас это не так важно.

Брайс сделал шаг в сторону и указал в окно на Клоуз.

– Доктор Рэнсфорд, – произнес он, – отправился в ту сторону. Думаю, в дом настоятеля, где у него пациент. Если пойдет туда, в «Райский уголок», то наверняка встретите его на обратном пути. Дом настоятеля – большое здание вон там, в дальнем конце площади.

Гость проследил за тем, куда указывал Брайс.

– «Райский уголок»? – удивился он. – Что это?

Брайс обратил его внимание на длинный участок серой стены, протянувшейся от южной стороны собора в глубь Клоуза.

– Закрытое пространство между южным портиком и боковым нефом, – объяснил он. – Там много старых надгробий, деревьев, но почти всегда пусто и тихо. Почему его прозвали «Райским уголком», я не знаю. До дома настоятеля можно срезать угол, если пройти через арку, которую хорошо видно отсюда.

– Благодарю, – кивнул незнакомец. – Спасибо за помощь.

И он двинулся в направлении, указанном Брайсом, а тот вернулся в операционную, но сразу снова открыл дверь и окликнул гостя:

– Если вы с ним разминетесь, мне сказать ему, что зайдете позже? Как вас зовут?

Незнакомец покачал головой.

– Это не имеет значения, – ответил он. – Я с ним встречу, если не сегодня, так завтра. Еще раз спасибо!

И он продолжил путь к «Райскому уголку», а Брайс закончил приготовления. Занимаясь сбором вещей, он поглядывал в сад, где Мэри Бьюэри продолжала прогуливаться с Сэквиллом Бонэмом.

– Все правильно, – пробормотал Брайс сквозь зубы. – Я не стану прощаться с кем-либо еще, но не потому, что Рэнсфорду это неудобно. Просто нет необходимости. А если Рэнсфорд думает, будто сумел выгнать меня и из Райчестера, то глубоко ошибается. Я уеду отсюда, когда решу сам. Вот перед отъездом кое с кем попрощаюсь, но время пока не настало. Интересно, что это за странный тип? Знал когда-то человека по фамилии Рэнсфорд, ведь он так выразился? И если был знаком с нашим Рэнсфордом, то знает о нем, вероятно, гораздо больше, чем кто-либо другой во всем городе, поскольку доктор поселился здесь несколько лет назад. Нет, доктор Рэнсфорд, никаких прощаний! Я уйду, но могу уже очень скоро вернуться.

Однако Брайсу все же не удалось покинуть старый дом без прощальной церемонии. Когда он выходил через боковую дверь, Мэри Бьюэри, которая рассталась в саду с юным Бонэмом и собралась навестить своих собак во дворе конюшни, проходила мимо, столкнувшись в Брайсом лицом к лицу. Мэри покраснела, но не столько от смущения, сколько от досады; Брайс сохранял обычное хладнокровие и не выказал неловкости. Он даже рассмеялся, похлопав ладонью по кожаной сумке у себя под мышкой.

– Бесцеремонно выставлен за порог, словно был пойман за кражей серебряных ложек, – сообщил он. – Вот ухажу со своими скромными пожитками. Такой получилась моя первая награда за преданность и хорошую работу.

– Мне нечего сказать вам, – промолвила Мэри, стараясь побыстрее пройти мимо с выражением неудовольствия на лице, – кроме того, что вы сами во всем виноваты.

– Чисто женское восприятие, – заметил Брайс. – Надеюсь, вы не затаили на меня злобы? Ваше раздражение не продлится больше, чем один день?

– Вы можете надеяться на все, что угодно, – ответила она. – А мне, вынуждена повторить, нечего вам сказать. Ни сейчас, ни позднее.

– Слова изменчивы и ничего не значат, – усмехнулся Брайс. – Посмотрим, что получится на самом деле. Но пока я вынужден уйти!

Не оглядываясь, он двинулся в ту же сторону, куда десятью минутами прежде отправил странного посетителя. Брайс снимал квартиру в дальней части прилегавшего к собору района и сейчас намеревался оставить там сумку и заняться устройством своей дальнейшей жизни. Отъезд из Райчестера не входил в его планы – он знал другого врача, которому срочно требовался помощник. Он пойдет к нему и, если возникнет необходимость, объяснит, почему вынужден был уйти от Рэнсфорда. У него в голове давно появилось несколько идей и схем действий, и он начал размышлять над ними, когда с просторного Клоуза попал в старинное уединенное место, закрытое почти со всех сторон, которое жители Райчестера называли «Райский уголок». Когда-то это был двор при монашеских кельях. Его высокие стены, теперь отчасти разрушенные и густо увитые плющом, скрывали за собой покрытое неухоженной травой пространство, где росли тисы, кипарисы, а между ними располагались надгробия. В одном из углов высился гигантский вяз, в другом – сильно пострадавшая от времени каменная лестница поднималась к высоко расположенной двери бокового нефа. Поперек «Райского уголка» тянулась тропинка, представлявшая собой кратчайший путь к домам, образовавшим юго-восточную ограду Клоуза. Это было неприветливое и мрачноватое место, редко посещаемое людьми, исключая тех, кто по каким-то причинам проходил тропинкой вместо того, чтобы предпочесть более оживленную и покрытую гравием дорожку.

Брайс приблизился к арке и неожиданно увидел Рэнсфорда. Тот быстрой походкой вышел из боковой двери западного портика, причем так спешил, что Брайс чуть задержался в стороне

от тропинки, чтобы понаблюдать за ним. И хотя их разделяли двадцать ярдов, он заметил, как побледнел Рэнсфорд. Его лицо сделалось белым, и доктор был сверх меры взволнован. Брайс мгновенно связал это возбужденное состояние с тем человеком, который приходил в хирургическую.

– Они все-таки встретились, – пробормотал он, глядя вслед удалявшейся фигуре. – Любопытно, что в том мужчине такого, если одно его появление может довести Рэнсфорда чуть ли не до умопомрачения? А он явно выглядел так, словно испытал шок. Очень любопытно!

Он еще немного постоял около арки, дожидаясь, пока Рэнсфорд скроется среди деревьев собственного сада, а потом пересек «Райский уголок» к его дальней стене, где располагалась калитка. Когда Брайс открыл ее, из кустов выбежал человек в спецовке каменщика, в котором он узнал одного из местных рабочих. Его лицо тоже покрывала необычная бледность, а глаза расширились от испуга. Заметив Брайса, он остановился и попытался перевести дух.

– В чем дело, Варнер? – спокойно спросил Брайс. – Что-нибудь случилось?

Мужчина провел рукой по лбу, словно хотел избавиться от наваждения, а затем большим пальцем указал себе за спину.

– Там человек! – воскликнул он. – У подножия лестницы святого Райты, доктор! Помоему, он мертвый. Я видел, как все было!

Брайс схватил Варнера за плечи и встряхнул:

– Что ты видел?

– Видел, как он упал. Или, вернее сказать, как его толкнули! – задыхаясь, ответил Варнер. – Кто-то вытолкнул его через ту дверь наверху. И он грохнулся по ступеням вниз. Жуть!

Брайс посмотрел поверх верхушек тисов на дверь хоров со стороны неффа, куда указывал рабочий. Это была не дверь, а открытая низкая арка, к которой вели сильно разрушенные ступени длинной лестницы. Площадка перед арочной нишей располагалась футах в сорока от земли.

– Ты видел, как его толкнули? – воскликнул Брайс. – Толкнули оттуда? Но как такое возможно, приятель?

– Да, – кивнул он. – Я как раз осматривал тот камень. Мне заказали подлатать надгробие. А тут галки подняли крик. Я и глянул вверх на них. Смотрю – человек выпадает через дверь. Прямо-таки вылетает из нее! Богом клянусь! Неужто вы думаете, что меня глаза подвели?

– Так ты не видел, кто его толкнул?

– Нет. Видел только руку. Мелькнула на секунду из-за косяка, – ответил Варнер. – Я все больше смотрел на другого. Тот показался в двери, а потом заорал – крик до сих пор в ушах стоит! – и кубарем покатился вниз на камни.

– Давно это было?

– Минут пять назад. Я бросился к нему. Хотел помочь, но понял, что бесполезно, и побежал за людьми.

Брайс подтолкнул его в сторону кустов, рядом с которыми они стояли.

– Веди меня к нему! – велел он.

Варнер повернулся и пошел мимо кипарисов. Он довел Брайса до нижнего края высокой стены неффа. Там в углу, образованном нефом и боковым приделом, на широкой, вымощенной брусчаткой площадке у подножия лестницы лежало тело человека в необычно изломанной позе. С первого взгляда, еще не дойдя до него, Брайс понял, кто это – тот самый мужчина, который недавно стучался в дверь к Рэнсфорду.

– Гляньте! – воскликнул Варнер, резким жестом указывая на тело. – Шевельнулся!

Брайс, чей взгляд тоже был прикован к фигуре, заметил легкое движение. Теперь тело лежало совершенно неподвижно.

– Это конец, – пробормотал он. – Мужчина мертв. Могу определить это, даже не прикасаясь к нему. Мертв, – повторил он, приблизившись и опустившись на колени. – У него сломана шея.

Варнер склонился и посмотрел на мертвеца с любопытством и страхом.

– Это было ужасно, как он падал вниз, сэр, – сказал он. – И ударялся о камни с такой силой. Вы уверены, что он уже не жилец?

– Умер в тот момент, когда мы к нему подходили, – ответил Брайс. – Шевельнулся в последний раз, вот и все. Послушай, Варнер, тебе надо позвать кого-нибудь нам на помощь. Лучше сбегай в собор и приведи сюда церковных служителей. Впрочем, нет! – воскликнул он, услышав первые аккорды органа, донесшиеся из величественного здания. – Там только что началась утренняя молитва. Уже десять часов. Не тревожь их. Отправляйся прямо в полицию. Позови их сюда. Я останусь с телом.

Варнер бросился к выходу на Клоуз, звуки органа звучали все громче, а Брайс склонился над трупом, гадая, что же произошло на самом деле. Человека сбросили из проема двери хоров на лестницу святого Райты? Это представлялось по меньшей мере странным. Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль. Предположим, двое захотели поговорить наедине, вдали от посторонних глаз и ушей. Для этого они могли подняться на хоры собора, причем туда вела не одна дверь и не одна лестница изнутри. А вскоре повздорили, и один толкнул или попросту вышвырнул другого через верхнюю арку. К чему это должно было привести? А за одной мыслью неизбежно последовала другая: человек, который лежал теперь здесь мертвый, разыскивал Рэнсфорда, а потом ушел на поиски доктора, а Брайс сам только что видел Рэнсфорда в глубочайшем волнении, невероятно бледного, когда тот выходил из двери западного портика. Что это означало? Какой вывод напрашивался? Незнакомец мертв, а Варнер клянется, что видел, как его вытолкнули наружу, как он упал с высоты сорока футов. Убийство! Но кто же преступник?

Брайс огляделся по сторонам. После ухода Варнера не было ни одной живой души – ни поблизости, ни вдали. По одну сторону от него и мертвого тела высилась угловая стена нефа и трансепта, по другую густо росли кипарисы и тисы поверх надгробных камней и памятников. Убедившись, что за ним никто не подсматривает, он запустил руку во внутренний карман модного легкого пальто. Такой человек должен был носить при себе бумаги, документы, которые могли бы хоть что-то прояснить. А Брайсу хотелось добыть любую информацию, чтобы проникнуть в тайну, столь явно связывавшую этого несчастного с Рэнсфордом.

Но внутренний карман оказался пуст: ни записной книжки, никаких документов. Как не оказалось ничего и в других карманах, которые он в спешке обшарил. Отсутствовала даже визитная карточка с именем и фамилией. Нашел он только кошелек, набитый деньгами – купюрами, золотыми и серебряными монетами, – а в одном из отделений лежал обрывок бумаги, сложенный очень странным образом. Это был треугольник, в какие обычно сворачивали письма в эпоху до изобретения почтовых конвертов. Брайс быстро развернул его и после беглого взгляда на содержание сунул его в собственный карман. Он едва успел сделать это, как и положить на прежнее место кошелек, когда раздались голоса Варнера и инспектора Митчингтона, офицера полиции. Брайс вскочил, и появившиеся из-за кустов полицейский со своим сопровождающим застали его в задумчивости стоявшим рядом с трупом. Он повернулся к Митчингтону и произнес:

– Умер в тот момент, когда мы подходили к нему. Все кости переломаны. А уж хребет и шейные позвонки – совершенно точно. Как я полагаю, Варнер успел рассказать вам, что он видел?

Митчингтон, смуглый мужчина с манерой двигаться быстро и резко, кивнул, посмотрел еще раз на тело, а потом взглянул на дверь у них над головами.

– Это та дверь? – обратился он к Варнеру. – Она была открыта?

– Она всегда открыта, – ответил Варнер. – По крайней мере, стояла нараспашку всю нынешнюю весну, насколько я заметил.

– Что там за ней? – поинтересовался Митчингтон.

– Галерея. Тянется вокруг всего нефа. Вернее будет сказать, что это хоры. Вход туда свободный, и многие забираются, особенно туристы, знаете ли. По лестницам в малых башнях. Митчингтон повернулся к одному из прибывших вместе с ним констеблей.

– Иди за Варнером наверх, – распорядился он. – Не шумите там. Утренняя служба только началась. Никому ничего не говорите, просто осмотритесь, изучите обстановку вдоль галереи и особенно рядом с той дверью. А потом возвращайтесь.

Когда Варнер и констебль поднялись наверх, он снова посмотрел на мертвое тело.

– Приезжий, как мне кажется. Наверное, турист. Но сброшен вниз! Варнер в этом совершенно уверен. Значит, дело нечисто.

– В этом лично у меня нет никаких сомнений, – согласился Брайс. – Вам придется основательно поработать над делом. Кстати, собор внутри – нечто вроде кроличьей норы. Столько входов и выходов, а человек, совершивший это преступление, знал, как ускользнуть незамеченным. Вам, конечно, нужно будет отправить тело в морг, но только позвольте мне сначала привести сюда доктора Рэнсфорда. Хотелось бы, чтобы еще один врач осмотрел труп, прежде чем его сдвинут с места. Это займет пять минут.

Брайс протиснулся сквозь кусты, вышел на газон перед собором, а потом побежал в сторону дома, который покинул двадцать минут назад. Пока он бежал, им владело лишь одно неодолимое желание: ему хотелось видеть доктора Рэнсфорда лицом к лицу с погибшим, понаблюдать за ним, зафиксировать его вид, поведение. После этого он, Брайс, станет обладателем бесценной информации.

Однако он многое узнал еще до этого. Дверь хирургического кабинета Брайс распахнул внезапно, но со своей обычной привычкой к мягким и неслышным движениям. И замер на пороге. Рэнсфорд, являвший собой живое воплощение отчаяния, стоял посреди помещения с лицом, искаженным конвульсией, и кулаком правой руки с силой бил себя по ладони левой.

Глава четвертая

Отель «Митра»

Прошло несколько секунд, прежде чем Рэнсфорд заметил присутствие Брайса. Тот успел вдоволь насладиться наблюдением за своим бывшим работодателем. Что Рэнсфорд чем-то расстроен, становилось заметно с первого мгновения: его лицо оставалось бледным, он бормотал что-то себе под нос, кулак одной руки ритмично бил в ладонь другой – все это вместе придавало ему вид человека, неожиданно столкнувшегося с непреодолимыми трудностями. А когда Брайс решил, что увидел достаточно, и тихо кашлянул, Рэнсфорд вздрогнул, выдавая предельное напряжение нервов.

– Зачем вы здесь? Чего вам еще надо? – крикнул он. – Что за манера входить без стука и предупреждения!

– Я пришел за вами по вызову, – ответил Брайс. – В «Райском уголке» произошел несчастный случай. Мужчина выпал из двери, выходящей на лестницу святого Райты. Мне показалось необходимым ваше присутствие, хотя обязан предупредить: в вашей помощи жертва не нуждается. Человек погиб.

– Погиб? Мужчина? – воскликнул Рэнсфорд. – Какой мужчина? Один из рабочих?

Брайс заранее продумал линию поведения относительно визита незнакомца в хирургическую. Рэнсфорду он ничего не расскажет. По крайней мере пока. Вероятность того, что гостя видел кто-то другой, была мала. Вход для пациентов со стороны Клоуза скрывали густые кусты. Вряд ли случайный прохожий заметил появление здесь неизвестного или его уход. Нет, он придержит этот секрет до того момента, когда им можно будет воспользоваться с наибольшей для себя выгодой.

– Нет, не рабочий. И даже не житель нашего города. Незнакомый человек, – ответил Брайс. – Невысокий, худощавый пожилой мужчина с поседевшими волосами.

Рэнсфорд, отвернувшись к столу явно для того, чтобы дать себе возможность привести чувства в порядок, бросил на бывшего помощника взгляд через плечо, и на мгновение Брайс испытал нечто вроде шока. Он уже мысленно приговорил Рэнсфорда, а у того на лице читалось неподдельное удивление, и взгляд убедил его, вопреки очевидным фактам, что Рэнсфорд действительно впервые слышит о смерти в «Райском уголке».

– Немолодой человек, седовласый, худощавый? – уточнил Рэнсфорд. – Темная одежда, шляпа с отделкой из шелка?

– Точное описание, – подтвердил Брайс, не в силах оправиться от удивления. – Вы с ним знакомы?

– Нет, но я видел, как мужчина входил в собор. Я его не знаю, разумеется. Так пойдемте же!

Он уже снова полностью овладел собой и первым двинулся от своей приемной через соборную площадь с таким видом, будто направлялся по рядовому вызову. Пока они быстро шли в сторону «Райского уголка», Рэнсфорд не вымолвил ни слова. Брайс тоже молчал. За два года совместной работы он успел близко узнать Рэнсфорда и был прекрасно осведомлен о том, как умело тот управляет своими чувствами. И теперь он уверил себя, что изумленный вид и взгляд Рэнсфорд тонко разыграл, а потому уже не ждал ничего другого, кроме профессионального интереса со стороны доктора, когда тот приблизился к окружавшей тело группе.

– Вы предприняли какие-то шаги, чтобы установить личность несчастного? – спросил Рэнсфорд после беглого осмотра трупа. – Он явно не из наших мест, но при нем должно быть удостоверение или иные бумаги.

– У него не было ничего, кроме кошелька с крупной суммой денег, – ответил Митчингтон. – Я лично проверил все его карманы. Нет ни единого документа или хотя бы какого-нибудь старого письма. Наверняка он турист, а значит, провел в нашем городе ночь. Я собираюсь организовать проверку отелей.

– И конечно же, будет проведено детальное расследование, – заметил Рэнсфорд. – Что ж, мы здесь уже бессильны, Митчингтон. Вам лучше доставить тело прямо в морг. – Он повернулся и посмотрел вверх вдоль старинной и поврежденной лестницы, у подножия которой они стояли. – Так вы говорите, он свалился с нее? Что ему понадобилось наверху?

Митчингтон вопросительно взглянул на Брайса:

– Разве вы не посвятили доктора в детали происшествия?

– Нет, не успел, – ответил Брайс, посмотрев на Рэнсфорда, а затем указав на Варнера, который уже вернулся вместе с констеблем и стоял рядом. – Дело в том, что погибший не просто упал, – продолжил он, наблюдая за Рэнсфордом. – Его насильно вытолкнули через тот дверной проем. Варнер стал свидетелем.

Щеки Рэнсфорда слегка покраснели, и он не сумел скрыть замешательства, когда обратился к Варнеру:

– Так вы видели все своими глазами? Интересно, что же вы заметили?

– Его, – ответил Варнер, кивая в сторону тела. – Как он скатился кувырком из той двери прямо сюда. У него не было ни шанса уберечься от смерти, доложу я вам! Пытался хватать руками воздух, но зацепиться ни за что не смог. Так и продолжал падать до самого низа. Чтоб мне год жалованья не платили, если все не произошло прямо передо мной! И я слышал, как он кричал.

Рэнсфорд слушал Варнера внимательно и вдумчиво.

– Кто же толкнул его? – резко спросил он. – Вы должны были видеть и это тоже.

– Вроде бы так, сэр, – произнес тот, – но увидел я самую малость. Только чью-то руку. Хотя, – он повернулся к полицейским с многозначительным видом, – готов биться об заклад, что это была рука джентльмена! Я заметил черный рукав, а под ним – белую сорочку.

– Вам нужно поставить в известность церковный совет, Митчингтон, – сказал Рэнсфорд. – Но только сначала лучше убрать труп и сделать это до окончания утренней службы. И обязательно сообщите мне, кто он такой, если удастся выяснить что-нибудь в городе.

Затем он развернулся и ушел, не удостоив покойника последнего взгляда. Но Брайсу было достаточно одного неоспоримого факта – он безошибочно разглядел на лице Рэнсфорда выражение облегчения, когда тот услышал, что при погибшем не нашли никаких документов. После ухода Рэнсфорда сам он задержался, а после того, как полицейские положили тело на носилки, лично наблюдал за тем, как его доставили в морг, находившийся за пределами Клоуза. И не зря. Именно там один из полицейских, прибывших из местного участка, дал инспектору ниточку для дальнейшего расследования.

– Я видел этого несчастного джентльмена вчера вечером, сэр, – заявил констебль. – Он стоял в дверях «Митры» и разговаривал с другим джентльменом. Тот был очень высокого роста.

– Тогда мне лучше направиться прямо туда, – решил Митчингтон. – Если желаете, можете составить мне компанию, доктор Брайс.

Именно этого Брайсу сейчас хотелось больше всего. Им владело самое горячее стремление получить информацию как можно скорее. И потому он охотно отправился вместе с инспектором в старинный, причудливой архитектуры отель, который занимал одну из сторон небольшой площади, носившей название Рыночной, хотя базарный день на ней устраивали только по понедельникам. Там они разыскали хозяйку «Митры» миссис Партингли. Хозяйка сидела внутри обширного эркера у окна, выходящего во внутренний двор. Брайс сразу понял, что новости ей уже известны.

– Что же творится, мистер Митчингтон? – воскликнула она, когда они приблизились. – Мне тут рассказывают, будто с кем-то случилось несчастье. С неким заезжим к нам в город джентльменом. Надеюсь, это не один из тех двух постояльцев, которые поселились у меня?

– Боюсь, что так, мэм, – кивнул инспектор. – По крайней мере, один из наших людей видел его вчера вечером перед вашим заведением.

Хозяйка издала опечаленный возглас и, открыв боковую дверь, пригласила их войти в холл.

– Который из двоих? – взволнованно спросила она. – Вчера двое приехали одновременно. Один высокий, второй – пониже ростом. И что же, дело серьезное?

– Мужчина скончался, мэм, – хмуро ответил Митчингтон. – И нам необходимо выяснить, кто он такой. У вас есть его имя и фамилия, как и второго джентльмена?

Миссис Партингли издала еще один возглас, полный сожаления, воздев в ужасе к потолку свои пухлые ручки. Но при этом она не забывала о своих обязанностях и не замедлила достать большую книгу записи постояльцев, которую раскрыла перед пришедшими официальными лицами.

– Вот они! – сказала она, тыча пальцем в две последние записи. – Низкорослый джентльмен назвался мистером Джоном Брэйденом из Лондона. А высокий – мистером Кристофером Деллингемом, тоже из Лондона. Туристы. Никогда не бывали у нас прежде.

– Вы сказали, что они прибыли вместе, миссис Партингли. Когда примерно, не припомните? – спросил инспектор.

– Перед самым ужином. Похоже, они приехали лондонским поездом. Тем, что приходит в шесть сорок, как вы знаете. Они пришли вместе, поужинали и провели вдвоем весь вечер. Мы решили, что они приятели. Но утром они расстались. Только позавтракали вместе, а потом мистер Деллингем узнал у меня дорогу до старой мельницы Мэйнора и отправился туда, как я поняла. Мистер Брэйден немного задержался, изучая местный телефонный справочник, который я ему одолжила, а потом спросил, нельзя ли ему заказать двуколку, чтобы съездить в Саксонстед после обеда. Конечно, можно, ответила я, и он сделал заказ, чтобы экипаж ждал его в половине третьего. А вскоре тоже вышел и направился через площадь в сторону собора. И это, – заключила она, – практически все, что мне известно, джентльмены.

– Значит, в Саксонстед? – произнес Митчингтон. – Он ничего не говорил, зачем ему туда понадобилось ехать?

– Да, он сказал об этом, – кивнула хозяйка отеля. – Вернее, поинтересовался, сможет ли он застать герцога дома в такое время. Я ответила, что, насколько мне известно, герцог сейчас в Саксонстеде, а к середине дня почти всегда дома. Время самое удачное.

– Он не сообщил, с какой целью собирался навестить герцога?

– Нет, ни словечком не обмолвился. Только спросил, и больше ничего. Но вот и сам мистер Деллингем.

Брайс повернулся и увидел перед собой рослого широкоплечего мужчину с бородой, который прошел мимо окна. Потом дверь открылась, он шагнул внутрь, бросил заинтересованный взгляд на незнакомого ему инспектора, но обратился сразу к миссис Партингли:

– Я слышал, произошел несчастный случай с тем джентльменом, который вчера приехал сюда вместе со мной? Что-то серьезное? Ваш конюх говорит...

– Джентльмены как раз находятся здесь по этому поводу, сэр, – перебила его хозяйка и посмотрела на Митчингтона. – Может, вы сами...

– Он был вашим приятелем, сэр? – спросил инспектор. – Близким другом?

– Никогда не встречался с ним до вчерашнего вечера, – ответил постоялец. – Мы случайно познакомились в поезде из Лондона, разговорились и выяснили, что оба едем в одно и то же место. В Райчестер. А потом вместе пришли в отель. Нет, он не был моим другом и даже знакомым, если не считать вчерашнего дня. С ним стряслось что-то дурное?

– Он умер, сэр, – ответил Митчингтон. – И мы как раз хотели выяснить, кем он являлся.

– Боже милостивый! Он мертв? Как печально! – воскликнул мистер Деллингем. – Вот горе-то. Только я мало чем вам помогу. Совсем не знал его. Приятный, общительный мужчина. Как мне показалось, он много странствовал по свету. Могу сказать только одно, – продолжил он, словно вдруг вспомнив нечто важное. – У меня сложилось впечатление, будто он недавно вернулся в Англию. В поезде отпустил пару замечаний по поводу приятного ему вида английских пейзажей, и я понял: он недавно прибыл откуда-то, где не так часто встречаются рощицы, живые изгороди и зеленые поля. Но если вы хотели узнать, кто он такой, инспектор, то вам следовало осмотреть его карманы. Наверняка при нем были документы, бумаги, визитные карточки.

– Мы обыскали его, – произнес Митчингтон. – У него не было удостоверения личности, паспорта, каких-то писем или карточек.

Мистер Деллингем посмотрел на хозяйку.

– Странное дело! – воскликнул он. – Но у него был небольшой чемодан. Он сам донес его до отеля. Возможно, в нем...

– Мне бы хотелось взглянуть на его вещи, – вмешался Митчингтон. – Нам необходимо осмотреть его номер, миссис Партингли.

Брайс последовал за владелицей отеля и инспектором на второй этаж. Мистер Деллингем тоже увязался за ними. Все четверо вошли в комнату, окна которой выходили на Рыночную площадь. И там на низеньком столике для багажа лежал кожаный чемодан. Такие берут с собой в краткие путешествия. Его крышка оказалась открытой и упиралась в стену.

Хозяйка, мистер Деллингем и Брайс стояли молча, пока инспектор изучал содержимое единственного предмета, найденного в номере. Да и там нашлось немного. Все средства личной гигиены, привезенные с собой, гость успел разложить на туалетном столике: щетку, расчески, коробку с бритвой.

– Сразу бросается в глаза только одно, – сказал инспектор Митчингтон. – Думаю, вы и сами это заметили. У него все абсолютно новое! Да и чемоданом начали пользоваться совсем недавно – на коже ни царапины, а все вещи на туалетном столике будто только что из магазина. И внутри тоже. Вещей, как видите, совсем мало. Он явно не собирался здесь задерживаться. Вторая пара брюк, несколько рубашек, носки, сменные воротнички, галстуки, тапочки, носовые платки – вот и все. Но первым делом следует проверить, не помечено ли белье именем или хотя бы инициалами.

Он тщательно изучил отдельные предметы одежды, вынимая их по одному, и вскоре покачал головой:

– Ни фамилии, ни инициалов. Но взгляните внимательнее вот на это, джентльмены. Обратите внимание, где куплены воротнички. Их полдюжины в фабричной коробке. Париж! Ага, вот и фирменная марка продавца. Их там ставят внутри воротничка, как и в Англии. Аристид Пюжоль, улица Капуцинок, дом 82. Судя по виду, я бы сказал, что рубашки были приобретены там же, как и платки, и галстуки. Все это иностранного происхождения. Улики могут оказаться важными. Вероятно, нам удастся напасть на его след во Франции, если в Англии ничего не найдется. Не исключено, что он вообще был французом.

– Голову даю на отсечение, что не был! – воскликнул мистер Деллингем. – Как бы долго он ни прожил за пределами Англии, своего характерного северного акцента не утратил. Он был откуда-то с севера – из Йоркшира или Ланкашира. Готов поклясться! Только не француз, инспектор.

– В любом случае и здесь нет никаких документов, – заметил Митчингтон, тщательно проверив чемодан. – Ничего, что указывало бы на его личность. Никаких бумаг вообще, если не считать одной книги. «История Барторпа».

– Да, он мне показывал ее в поезде, – отозвался Деллингем. – Меня всегда интересовали история и археология. Мы разговорились на данную тему, и тогда он достал книгу, с гордостью сообщив, что купил ее с уличного лотка где-то в Лондоне всего за шиллинг и шесть пенсов. Мне показалось, – добавил он с улыбкой, – что больше всего его привлекли переплет из телячьей кожи и стальной фронтиспис, поскольку, уверен, обширными историческими познаниями он не обладал.

Митчингтон отложил книгу в сторону, и Брайс взял ее в руки. Изучив титульный лист, отметил, что Барторп был небольшим рыночным городом в Мидлендсе. И у него уже вертелась на языке фраза, что если погибшего не особенно интересовали история и антиквариат, то странно было приобретать книгу исторического содержания. Напрашивалось предположение, что она понадобилась ему, поскольку он был каким-то образом связан с Барторпом. Однако Брайс вовремя спохватился, вспомнив свое правило неизменно держать важные факты и наблюдения при себе, и промолчал. А Митчингтон заявил, что больше ему здесь делать нечего. Мистер Деллингем не собирался покидать Райчестер еще несколько дней, и это вполне устраивало инспектора. Потом все спустились вниз, и Митчингтон в сопровождении Брайса отправился в полицейский участок.

Новость быстро облетела городок, и у дверей участка даже собралась небольшая толпа. Внутри двое или трое особо достойных граждан беседовали с начальником полиции. Среди них присутствовал мистер Стивен Фоллиот, отчим юного Бонэма, крупный мужчина с мясистым лицом, проживавший в доме на Клоузе уже много лет. Он был известен не только как человек очень состоятельный, но и как любитель выращивать редкие сорта роз. Сейчас Фоллиот что-то втолковывал начальнику, и старший инспектор поманил Митчингтона к себе.

– Мистер Фоллиот утверждает, что видел этого джентльмена в соборе, – сказал он. – Должно быть, это было незадолго до печального происшествия, судя по вашим словам, мистер Фоллиот.

– По моим подсчетам, – ответил тот, – трагедия случилась примерно без пяти десять. Такая оценка вытекает вот из чего. Я сам пришел к утренней службе, которая начинается в десять часов. И видел, как он поднимается по одной из лестниц на галерею для хоров, оглядываясь при этом по сторонам. Без пяти десять – все произошло через несколько мгновений после этого.

Брайс слушал его, отвернувшись в сторону и делая собственные подсчеты. Когда он увидел Рэнсфорда, поспешно выходящего из западного портика, пробило десять часов утра. С галереи туда вела лестница. Что из этого следовало? Но он решил пока не делать никаких выводов, а отправился домой в свои меблированные комнаты на Фрайэри-лейн, где надежно заперся изнутри и лишь потом достал из кармана клочок бумаги, который забрал у мертвеца.

Глава пятая

Ключок бумаги

Когда Брайс в своем запертом на крепкий замок доме доставал из кармана обрывок бумаги, он пребывал в убеждении, что держит в руках ключ к разгадке тайны утреннего происшествия. Ему достаточно было лишь беглого взгляда после того, как он вытащил его из кошелька погибшего незнакомца, чтобы увериться: в его распоряжении оказался подлинный документ, причем исключительной важности, пусть написали его на жалком с виду листке. И теперь Брайс развернул его, разгладил и внимательно рассмотрел, спрашивая себя, каково истинное значение увиденного.

Запись оказалась краткой. Обрывок являлся фрагментом в четверть листа очень старой и плотной бумаги для заметок, уже пожелтевшей от времени и носившей на себе следы долгого пребывания в сложенном виде в кошельке незнакомца. Складки обозначились очень четко, зато края местами обтрепались и потерялись от продолжительного соприкосновения с кожей. А в самом центре четким почерком кто-то вывел слова, или, вернее, сокращения слов, некоторые были латинскими, а также римские цифры:

В Райск. Райчест. vic. tumb.

Рич. Дженк. ex. sar. xxiii. xv.

Поначалу Брайс принял текст за копию какой-то надписи, но его медицинские познания в латыни уже мгновением позже раскрыли ему суть. Это была не просто надпись, а указание направления. И очень четкое указание – он без труда разобрался в нем. В «Райском уголке» Райчестера рядом (vicinia!) с могилой Ричарда Дженкинса или, возможно, Дженкинсона, считая от головы (sarut!), в двадцати трех и пятнадцати – скорее всего дюймах. Никаких сомнений в правильности прочитанного быть не могло. Однако что же находилось позади могилы Ричарда Дженкинса или Дженкинсона на погосте в «Райском уголке» Райчестера? Причем в двадцати трех дюймах от надгробия и на глубине пятнадцати дюймов? Решение данной загадки Брайс решил получить при первом же удобном случае, а пока у него возникли другие вопросы, которые он записал в том порядке, в каком они приходили ему на ум. Получился вот такой список:

1. Кто тот человек, который зарегистрировался в «Митре» под именем Джона Брэйдена?
2. Для чего ему понадобился личный визит к герцогу Саксонстедскому?
3. Был ли он знакомым Рэнсфорда из прошлого, которого Рэнсфорд не желал больше видеть?
4. Встретил ли его Рэнсфорд в соборе?
5. Был ли Рэнсфорд тем, кто столкнул его с лестницы святого Райты?
6. Явилось ли это причиной необычайного возбуждения Рэнсфорда через несколько минут после обнаружения тела?

Времени для поисков ответов на все эти загадочные вопросы у него было достаточно. Как и на раскрытие еще одной тайны, которая могла иметь непосредственную связь с вопросами из списка: кем на самом деле приходился Рэнсфорд двум своим подопечным? Утром, посвящая Рэнсфорда в досужие сплетни светских кругов городка, Брайс намеренно рассказал ему далеко не все. Он знал, что элита из лучших домов вокруг Клоуза была заинтригована положением дел в семье Рэнсфорда. Интерес представлял сам доктор. Хорошо сохранившийся холостяк, активный умный мужчина, даже не достигший средних лет, а выглядевший еще моложе, приехал в Райчестер несколько лет назад и с тех пор ничем не выдал желания изменить свой статус человека неженатого. Никто никогда не слышал, чтобы он упоминал о других членах своего

семейства или о родственниках. А затем неожиданно, никого предварительно не уведомив, Рэнсфорд поселил в своем доме Мэри Бьюэри, красивую девушку девятнадцати лет, которая только-только окончила школу, и ее брата Ричарда, шестнадцатилетнего подростка, учившегося прежде в престижной частной школе и после переезда в Райчестер помещенного в самое лучшее в городе заведение. Доктор Рэнсфорд называл себя опекуном двоих юных особ, не вдаваясь в подробности. А общественность Клоуза ждала детальных объяснений. Кто они такие – подопечные Рэнсфорда? Приходился им доктор дядей, кузеном – кем-то же он должен был им приходиться? В любом случае, согласно единодушному мнению старшего поколения дам из элитных кругов Райчестера, мисс Бьюэри была слишком молода и чересчур хороша собой, чтобы не иметь компаньонки или дуэньи. Но до сей поры никто пока не посмел высказать это в лицо доктору Рэнсфорду, предпочитая судачить обо всем у него за спиной.

Брайс с особым вниманием следил за молодыми людьми. Когда они прибыли, он работал у Рэнсфорда почти год. Свободно принятый в их компанию, он очень скоро убедился в том, что, какие бы отношения ни объединяли их с Рэнсфордом, больше они не поддерживали связей ни с кем. По крайней мере, явно. Так, они никогда не получали писем ни от каких родственников, будь то дядюшки, тетуськи, двоюродные братья или сестры, бабушки или дедушки. Создавалось впечатление, будто у них не сохранилось никаких воспоминаний о родне: даже об отце с матерью, – их окружала атмосфера полной изоляции. Они много и охотно обсуждали свой сегодняшний день или совсем недавние события: занятия в школе, игры и увлечения, но никогда не упоминали о чем-то из отдаленного прошлого. Однако не все можно было скрыть от ушей Брайса. Он выяснил, например, что на протяжении многих лет Рэнсфорд имел привычку проводить положенный ему двухмесячный отпуск с этими двумя почти детьми. Год за годом (с тех пор, как мальчику исполнилось десять) он брал их с собой в путешествия. По крупицам Брайс собрал информацию об их совместных посещениях Франции, Швейцарии, Ирландии, Шотландии и даже таких совсем уж далеких краев, как север Норвегии. Бросалось в глаза, что юноша и девушка относились к Рэнсфорду с любовью, а тот готов был из кожи вон вылезти, чтобы сделать жизнь подопечных комфортной и счастливой. И Брайс, принадлежавший к людям, убежденным, что никто ни для кого ничего не делает просто так, а личный интерес – главная движущая сила жизни, вновь и вновь задавался вопросом, который будоражил умы пожилых леди Клоуза. Кто эти двое и какова истинная подоплека их близости с почти сказочно добрым ангелом-хранителем, крестным отцом и опекуном в одном лице?

И сейчас, когда он прятал листок бумаги в ящик стола, оборудованный крепким замком, Брайсу больше всего хотелось узнать, были ли события нынешнего утра связаны с тайной, окружавшей подопечных доктора Рэнсфорда? И если да, то тем больше возникало у него причин найти решение загадки. Потому что Брайс намеревался заставить Мэри Бьюэри стать его женой, а для достижения подобной цели все средства хороши, нужно только суметь добыть их. Если бы только он смог получить инструмент давления на Рэнсфорда! Если бы Мэри Бьюэри сама оказалась в его власти! А когда он ее получит, то станет для нее хорошим мужем. В своем понимании, разумеется.

Не зная, чем еще занять себя, Брайс отправился на прогулку и вскоре оказался рядом с клубом – местом отдыха, привлекавшим богатых бездельников, представителей деловых и профессиональных кругов, высокопоставленных священнослужителей и бывших военных, обитавших в старинном городе. Как и следовало ожидать, там он застал несколько групп завсегда-таев, обсуждавших утреннюю трагедию. Брайс присоединился к той из них, в которую входил Сэквилл Бонэм, его предполагаемый соперник, в данный момент пересказывавший приятелям версию событий в изложении своего приемного отца мистера Фоллиота.

– Мой отчим видел того человека, как я сейчас вижу вас, – говорил Сэквилл, считавшийся в светском обществе Райчестера красноречивым и умным молодым человеком. – По его мнению, все случилось, как только тот мужчина поднялся на галерею для хоров. Смотрите!

Вот как происходило. Мой отчим заходит отсюда на утреннюю службу – он у меня на сей счет строгих правил, ходит в церковь регулярно. А тут этот незнакомец поднимается по лестнице на галерею прямо у него на глазах. Мистер Фоллиот уверен, что было без пяти десять. Ну и кто теперь скажет, что мой отчим не прав, когда говорит о времени происшествия?

– Он утверждает, что каменщик Варнер видел, как тот человек упал незадолго до десяти часов. Вот кто настоящий свидетель.

Один из членов группы кивком приветствовал Брайса.

– Думаю, – сказал он, – Брайс тоже знает о времени трагедии побольше остальных. Ты же первым оказался на месте падения того мужчины?

– Да, но только после Варнера, – ответил Брайс. – А что касается времени, то я определю его для вас точнее. Организист взял первый аккорд своего соло.

– А это означает, что тело обнаружили ровно в десять часов с точностью до секунды! – торжествующе подхватил Сэквилл. – Но упал он на пару минут раньше, что подтверждает слова мистера Фоллиота. А теперь сделаем вывод. Получается, что убийца столкнул мужчину с галереи, как только тот на нее взобрался, схватил за шиворот, подтащил к открытой двери и вышвырнул наружу!

Еще один молодой человек, но чуть постарше остальных, который покачивался на своем стуле, заложив руки в карманы, посмотрел на Сэквилла с улыбкой, а потом тихо рассмеялся.

– Ты всегда все принимаешь за чистую монету! – усмехнулся он. – Считаешь истиной каждое слово того каменщика. Но вот я никогда не поверю, что беднягу вытолкнули через ту дверь. Кто угодно поверит, но только не я!

Брайс резко повернулся к говорившему – человеку по фамилии Арчдейл, работавшему в известной архитектурной фирме.

– Не поверишь? – громко произнес он. – Но Варнер клянется, что видел, как его вытолкнули!

– Ему могло так показаться, – заметил Арчдейл, – потому что все произошло очень быстро. Вот он и ошибся. Мне известен каждый дюйм камня, из которого возведен собор – я просто обязан их знать, потому что мы постоянно изучаем его с профессиональной точки зрения. Как раз у двери, ведущей на лестницу святого Райты, пол на хорах отполирован ногами, стал скользким как стекло и к тому же имеет наклон. Причем крутой наклон именно в сторону дверного проема. Человек, не знавший об этом, легко мог поскользнуться, а если дверь была открыта, то он вылетел бы из нее, даже не поняв, как это случилось, в одну секунду.

Эта версия заставила всех ненадолго замолчать, но вскоре Сэквилл Бонэм заявил:

– Варнер утверждает, что видел мужскую руку, причем руку джентльмена. Он заметил край белой рубашки и рукав плаща. С этим трудно спорить. Варнер уверен в своих показаниях.

– Он может быть уверен в чем угодно, – усмехнулся Арчдейл, – но ошибаться при этом. Вероятно, увиденное сбило его с толку. Рубашка и плащ могли мелькнуть у него перед глазами, но принадлежали они самому погибшему. Если, как я предполагаю, мужчина поскользнулся и его вынесло на лестницу, он должен был делать самые невероятные движения руками в попытке за что-нибудь ухватиться и спастись. Отсюда и странное впечатление. Он должен был вытянуть руку вперед перед падением. Ее и заметил Варнер. Нет никаких доказательств, что человека сбросили вниз.

Брайс отвернулся от собеседников, чтобы обдумать слова Арчдейла. Если предположение архитектора строилось на реальных фактах, то и его собственная версия о том, что причиной гибели незнакомца послужили действия Рэнсфорда, тоже терпела крах. Но что послужило причиной нервного возбуждения, в котором находился Рэнсфорд, покидая собор, и его столь же нервического состояния – тоже неоспоримого – позже в хирургической? Но слова Арчдейла не выходили у него из головы, и после того, как Брайс позволил себе в клубе хороший обед (в

ознаменование обретенной свободы), он направился в собор, чтобы лично проинспектировать галерею.

Одна лестница вела туда из угла южного придела, и Брайс двинулся к ней. Но там стоял полицейский, указавший на прикрепленную к двери табличку.

– Закрыто, доктор. Закрыто решением настоятеля и церковного совета до дальнейших распоряжений, – заявил констебль и продолжил: – Как только новость разнеслась по городу, сюда устремилось множество людей, чтобы попасть на галерею, и настоятель велел перекрыть входы. Никого не допускают уже с полудня.

– Вы ничего не слышали о каком-нибудь странном человеке, который крутился тут утром? – спросил Брайс.

– Нет, сэр. Но я успел поговорить со служителями собора, – ответил полицейский. – Они считают совершенно невероятным, что никто из них не заметил никого чужого, не слышал звуков борьбы там, наверху. Они – то есть служители – уже собрались здесь к началу утренней службы, чтобы подготовить ее, но ничего не видели и не слышали. Непонятно, правда, сэр?

– Да, – согласился Брайс и покинул собор.

Он приблизился к калитке в стене, через которую можно было попасть в «Райский уголок». Но и там на посту стоял констебль.

– Что? Неужели и тут тоже закрыто? – спросил Брайс.

– И очень вовремя, сэр, – ответил тот. – Они бы переломали все кусты, если бы нам не отдали приказ! Сюда устремились целые толпы, чтобы поглазеть на место падения.

Брайс кивнул и уже хотел уйти, когда Дик Бьюэри вышел из-за угла по дорожке, называвшейся Динери-уок, причем парень был явно взволнован. С ним была девочка примерно его возраста – привлекательная юная леди, известная Брайсу как Бетти Кампани, дочь библиотекаря, состоявшего при настоятеле и совете, который являлся, таким образом, хранителем одной из самых прославленных библиотек страны. Она тоже была возбуждена, и ее хорошенькое подвижное личико сразу приобрело хмурое выражение, как только полицейский строго покачал головой.

– О, это еще зачем, скажите на милость? – воскликнул Дик Бьюэри. – Закрыто? Какая нелепость! Послушайте, не могли бы вы впустить нас туда хотя бы на минутку?

– Не дозволено пускать никого, сэр. Я так могу лишиться пенсии, – добродушно ответил констебль. – Вы разве не читали объявления? Настоятель завтра же заставит уволить меня из полиции, если я ослушаюсь. Доступ запрещен для всех! Но вам повезло, сэр, – добавил он, вновь оглядывая двух школьников. – Хотя там не на что смотреть, если честно, но вам все может рассказать доктор Брайс.

Дик, который ничего не знал о последнем разговоре своего опекуна с уволенным теперь помощником, с интересом посмотрел на Брайса.

– Ты ведь первым прибыл на место? – спросил он. – Как считаешь, это действительно убийство?

– Пока не известно, – произнес Брайс. – И не я первым попал туда. Первым оказался каменщик Варнер, а он позвал меня.

Он обратился к девочке, которая, сгорая от любопытства, пыталась заглядывать поверх калитки, но видела только деревья и кусты:

– Как вы думаете, ваш отец сейчас в библиотеке? Я найду его там?

– Скорее всего, – ответила Бетти Кампани. – Обычно он на работе в такое время. – Она дернула Дика Бьюэри за рукав. – Ладно, пойдем поднимемся на хоры. Оттуда тоже все видно.

– Вход на галерею закрыт, мисс, – сказал полицейский, покачав головой. – Вход туда запрещен. Публику не допускать – такой нам дали строгий приказ. «Не позволю превратить собор в балаган!» – вот какие слова я слышал от настоятеля.

Школьники повернулись и побрели через Клоуз, а констебль посмотрел им вслед и рас- смеялся.

– Приятная юная парочка, сэр, – заметил он. – И это называется здоровым интересом. Таким вот здоровым интересом весь город пропитался сегодня, доложу я вам.

Брайс, который уже двинулся в сторону библиотеки, располагавшейся на противополож- ной стороне Клоуза, остановился и спросил:

– Ваши люди установили личность погибшего? Есть что-нибудь новое?

– Ничего, но будут даны объявления в газетах, сэр, – ответил полицейский. – Это самый надежный способ, если нужно что-то узнать. А еще я слышал, как начальник говорил, что при- дется связаться с герцогом и выяснить, был ли он знаком с этим бедолагой. Думаю, начальник сам отправится в Саксонстед.

Брайс зашагал в сторону библиотеки, размышляя на ходу. Газеты? Нет лучшего способа распространения новостей. Если у мистера Джона Брэйдена были родственники и друзья, они узнают о его трагической гибели через прессу и дадут о себе знать. А в таком случае...

– Но я несколько не удивлюсь, – пробормотал Брайс себе под нос, – если выяснится, что в «Митре» он поселился под вымышленным именем. Интересно, верна ли версия Арчдейла? Впрочем, завтра многое прояснится в ходе расследования. А пока мне нужно узнать побольше о могиле Ричарда Дженкинса или Дженкинсона – как бы его там ни звали.

Знаменитая библиотека собора в Райчестере занимала живописное старинное здание. Там день за днем, расположившись среди бесценных томов и рукописных книг, огромных фолиантов и книжек размером в четверть листа, древних гравюр и других реликтов еще вре- мен Средневековья, хозяйничал Амброуз Кампани, хранитель. Почти всегда его можно было застать на месте, в любой момент готового показать свои сокровища посетителям, туристам и библиофилам, съезжавшимся почти со всего мира, чтобы взглянуть своими глазами на чудеса книгопечатания. И Амброуз Кампани, приветливый мужчина средних лет с копной взлохма- ченных волос, носивший очки с синими стеклами, у которого любовь к книгам и старине словно запечатлелась на добродушном лице, оказался и сейчас на рабочем месте. Он бесе- довал со стариком, соседом по Фрайэри-лейн, Симпсоном Харкером – тихим, вечно задумчивым пенсионером, которого считали отошедшим от дел торговцем, чьим любимым занятием явля- лись прогулки по городу. Войдя, Брайс услышал слова Кампани, обращенные к гостю:

– Самое важное – книга, какую они нашли в чемодане мужчины, остановившегося в «Митре». Конечно, я не сыщик, но считаю ее весьма ценной уликой.

Глава шестая

Несчастный случай

Престарелый Симпсон Харкер, сидевший рядом со столом библиотекаря, сложив руки поверх рукоятки крепкой и толстой трости, окинул Брайса внимательным взглядом, когда тот пересек комнату и приблизился к ним.

– Насколько я слышал, доктор находился там, когда доставали книгу, о которой вы только что изволили упомянуть, – сказал старик. – Об этом мне сообщил Митчингтон.

– Да, я там присутствовал, – кивнул Брайс и обратился к Кампани: – Почему вы считаете ее уликой?

– По очень простой причине, – ответил библиотекарь. – Человек возил с собой книгу об истории Барторпа. Что такое Барторп? Небольшой рыночный городок в Мидлендсе, графство Лестершир, если не ошибаюсь, который ничем особенным не примечателен, хотя, несомненно, обладает давней историей. Кто, кроме жителя самого Барторпа – в прошлом или в настоящем, – заинтересуется его историей до такой степени, чтобы брать книгу об этом с собой в дорогу? Отсюда я делаю вывод: наш незнакомец был из тех краев, и именно в Барторпе следовало бы в первую очередь навести справки о нем.

Симпсон Харкер промолчал, а Брайс вспомнил, что сказал мистер Деллингем, когда они обнаружили книгу.

– А мне все это не кажется настолько очевидным, – небрежно возразил он. – Я видел книгу. Занятный старомодный переплет и такие же старые медные пластины внутри. Мужчина мог приобрести ее по одной лишь этой причине. Я и сам порой покупаю букинистические издания, пусть даже не столь странные с виду.

– И все-таки, – упорствовал Кампани, – я бы навел справки в Барторпе. Надо всегда исходить из наиболее вероятных объяснений. А в данном случае представляется, что интерес незнакомца к книге был вызван тем, что он имел к городу какое-то отношение.

Брайс повернулся к стене, на которой висело несколько схем и планов райчестерского собора и его окрестностей. Собственно, он и явился в библиотеку, чтобы изучить один из этих чертежей. Но внезапно ему в голову пришла мысль, что он мог задать вопрос, который не вызвал бы ни подозрений, ни удивления.

– У вас есть книги регистрации захоронений внутри собора? – спросил Брайс. – Какие-то документы, где все это фиксировалось? Недавно я просматривал мемориальный альбом о Райчестере, и мне бросились в глаза несколько имен людей, о которых мне захотелось узнать подробнее.

Кампани поднял гусяное перо и указал на шкаф с переплетенными в кожу фолиантами в дальнем углу комнаты.

– Третья полка снизу, доктор, – ответил он. – Там вы найдете две книги. В одну из них занесены данные о захоронениях внутри собора до наших времен. Другая – реестр могил на погостах «Райского уголка» и прочих мест. Какие фамилии вы хотите разыскать?

Брайс сделал вид, будто не расслышал последнего вопроса, направившись к шкафу, на который указал Кампани, и, сняв второй из упомянутых томов, присел за столик. Кампани пришлось крикнуть через обширное помещение:

– Вам будет полезен именно указатель в самом конце! Ведь туда занесены все захоронения почти за четыреста лет.

Брайс обратился к указателю, записи в нем были сделаны множеством разных почерков. И буквально в течение минуты обнаружил нужную ему информацию: «Ричард Дженкинс, почил 8 марта 1715 года, захоронен в «Райском уголке» 10 марта». Он чуть не рассмеялся

вслух при мысли, насколько легко оказалось найти то, поиски чего считал сложнейшей задачей. Но чтобы не подать виду, что уже обнаружил все, что хотел, Брайс продолжил листать крупные страницы, а на случай, если библиотекарь станет приставать с расспросами, запомнил еще несколько имен и фамилий. Вскоре он поставил фолиант на прежнее место и обратил свой взор снова на ту стену, где висели чертежи и схемы. Одна из них являлась планом «Райского уголка», причем с подробным указанием мест расположения надгробий и имен, нанесенных на них. На плане древнего и уединенного погоста при соборе он надеялся отыскать точное местоположение могилы Ричарда Дженкинса.

И тут он впервые столкнулся с затруднением. По обоим полям старого плана, датированного 1850 годом, в виде таблиц были представлены списки захоронений «Райского уголка». Имена и фамилии усопших, а рядом указан номер, соответствующий такому же номеру на плане. Но Ричарда Дженкинса в списках не значилось, хотя Брайс внимательно просмотрел их несколько раз. Фамилия отсутствовала. Понятно, что могила Ричарда Дженкинса, похороненного в «Райском уголке» в 1715 году, никуда деться не могла. Его надгробие по-прежнему находилось где-то там между тисами и кипарисами, но вот имя и эпитафия с него, вероятно, исчезли, стерты временем и непогодой. Что же делать с памяткой, которую Брайс обнаружил в кошельке погибшего мужчины?

Он отвернулся от плана в полной растерянности и поймал на себе взгляд Кампани.

– Нашли, что хотели? – спросил тот.

– Да, спасибо, – кивнул Брайс. – Мне стало любопытно, где находятся захоронения Спелбэнксов. Это была очень большая семья, как я погляжу.

– В юго-восточном конце «Уголка», – сказал Кампани. – Там несколько могил. Спросили бы меня сразу, и не пришлось бы искать.

– Да вы просто ходячая энциклопедия собора! – рассмеялся Брайс. – Уверен, вы знаете каждый водосток, каждую горгулью!

– Так уж мне положено, – отозвался библиотекарь. – Я ведь получаю жалованье за это уже сорок пять лет. Начинал совсем еще мальчишкой.

Брайс ответил ему какой-то вежливой фразой, попрощался и отправился домой, где провел большую часть вечера, стараясь найти разгадки сразу для нескольких таинственных событий дня. Но ничего толкового ему в голову не пришло, и он все еще мучился поиском ответов, когда на следующий день пошел на слушания расследования по делу, обнаружив, что зал при управлении судебно-медицинского эксперта полон городскими жителями, столь же любопытными, как и он сам. Сидя там, слушая сначала предварительное заключение, а потом показания свидетелей, Брайс вдруг осознал циничную правду: несколько слов из его уст могли бы повлиять на ход расследования. Он мысленно перечислил, что сообщил бы, пожелай рассказать всю правду. Представил, как заставил бы заплясать Рэнсфорда, будь он, Брайс, судебным экспертом или прокурором, а Рэнсфорд стоял на трибуне для свидетелей. Он спросил бы его под присягой: был ли доктор знаком с погибшим, имел ли с ним какие-либо дела в прошлом, встречался и разговаривал с ним тем трагическим утром? А потом, глядя Рэнсфорду в лицо, задал бы вопрос вопросов: не его ли рука столкнула несчастного навстречу верной смерти? Однако пока в планы Брайса не входили разоблачительные выступления. Следствию он собирался сообщить лишь то, что было угодно ему самому, но не более. А потому Брайс сидел, слушал и понимал, судя по услышанному, что все эти люди блуждали в тумане; среди огромной толпы собравшихся был только один человек, обладавший хоть каким-то реальным представлением об истине: он сам.

Данные, вскрывшиеся на первой стадии расследования, не оказались новостью ни для Брайса, ни для большинства присутствовавших. Мистер Деллингем рассказал, как познакомился с ныне покойным мужчиной в поезде, следовавшем в Райчестер из Лондона. Миссис Партингли сообщила о его прибытии в «Митру», о регистрации в книге постояльцев под име-

нем Джона Брэйдена, а также о том, как на следующее утро он заказал транспорт, чтобы добраться до Саксонстеда позже днем, поскольку хотел повидаться с герцогом. Мистер Фоллиот подтвердил свои слова о том, что видел незнакомца в соборе поднимавшимся по лестнице на галерею. Варнер, оказавшийся пока важнейшим свидетелем, поведал о случившемся. Сам Брайс, а вслед за ним Рэнсфорд, выступили с мнениями специалистов-медиков. Митчингтон отчитался о произведенном им обыске одежды погибшего и имущества, обнаруженного в номере «Митры». И именно Митчингтон выдал информацию, ставшую новой для Брайса.

– После обнаружения в чемодане покойного книги о Барторпе, – сказал он, – мы направили подробную телеграмму в местную полицию с изложением сути произошедшего и с просьбой провести оперативное расследование по поводу жителя их города Джона Брэйдена, чтобы уже нынешним утром оповестить нас о результатах. Вот ответ, полученный нами час назад. В Барторпе, который является совсем небольшим населенным пунктом, никогда не слышали о таком человеке.

Полный тупик, с удовлетворением подумал Брайс. Но ему тут же пришлось сосредоточить внимание на показаниях следующего свидетеля – герцога Саксонстедского, местного богача и магната, человека мощного телосложения, с округлым лицом, присутствовавшего в зале с самого начала слушаний, к которым, по его же словам, он проявлял живейший интерес. Существовала вероятность, что хотя бы он мог пролить свет на суть дела. В конце концов, показания миссис Партингли, никем пока не опровергнутые, намекали на возможное знакомство герцога с таинственным приезжим, с которым у него была, вероятно, назначена встреча, а значит, не исключалась какая-то взаимосвязь.

Но герцог не знал ничего. Никогда прежде ему не доводилось даже слышать о Джоне Брэйдене. Тем утром герцогу предъявили для опознания тело жертвы падения с лестницы, и он внимательно всмотрелся в его лицо. Он определенно не был знаком с этим человеком и едва ли когда-либо встречал его даже случайно. Герцог ничего не мог сообщить о нем и понятия не имел, по какой причине мистер Джон Брэйден желал навестить его.

– Ваша светлость, несомненно, вели дела с многими людьми на разных этапах занятий бизнесом, – предположил судебный эксперт. – С некоторыми из них вы, возможно, виделись в течение короткого времени. Вы не припоминаете встречи с этим мужчиной даже подобным образом?

– У меня хорошая память на лица, – ответил герцог. – Так считают все, кто меня знает, отдавая лишь дань справедливости. Но лица данного человека не помню. Я никогда в жизни не видел его.

– Не имеет ли ваша светлость каких-либо предположений, почему он высказал пожелание встретиться с вами? – поинтересовался эксперт.

– Нет! Но надо признать, что существует множество причин, которые приводят ко мне порой совершенно незнакомых людей. Если он был, например, антикваром, то усадьба Саксонстед изобилует предметами старины, на какие он мог бы захотеть взглянуть. Или же он принадлежал к числу ценителей живописи – моя коллекция, если вам об этом неизвестно, славится на всю страну. Для знатоков редких книг мой дом тоже представляет немалый интерес. Я мог бы перечислить другие варианты, но не вижу смысла.

– Итак, вы, ваша светлость, не знакомы с этим мужчиной и не имеете о нем никакой информации, – подвел итог эксперт.

– Совершенно верно, – подтвердил герцог и покинул свидетельское место.

Именно этот момент эксперт счел подходящим, чтобы отправить членов жюри присяжных во главе с одним из своих офицеров для тщательного личного осмотра галереи хоров собора. Некоторое время в зале царил покойствие. Однако вскоре оно было нарушено оживлением среди присутствовавших при появлении полицейского, приведшего с собой хорошо и очень дорого одетого мужчину средних лет, в котором Брайс сразу определил представителя

крупных деловых кругов Лондона. Между вновь прибывшим и судебным экспертом состоялся краткий разговор, в нем приняли участие и другие официальные лица. И как только присяжные вернулись, незнакомца пригласили на место для дачи показаний свидетелями. Эксперт обратился к жюри и публике в зале:

– Неожиданно мы получили возможность приобщить к делу новые данные о покойном. Джентльмен, только что занявший место на свидетельском месте, – это мистер Александр Чилстон, управляющий банком «Лондон энд колониз» на Треднидл-стрит. Мистер Чилстон узнал о случившемся из утренних газет и поспешил на поезд до Райчестера, чтобы рассказать нам все, что ему известно об усопшем. Мы признательны мистеру Чилстону и, как только он будет приведен к присяге, попросим оказать нам любезность, поделившись известной ему информацией.

Посреди ропота удивления, пронесшегося по залу, Брайс позволил себе украдкой взглянуть на Рэнсфорда, сидевшего напротив него за главным столом. И отметил, как, вопреки всем усилиям держать эмоции под контролем, Рэнсфорд был обеспокоен объявлением. Щеки побледнели, глаза округлились от неожиданности, а челюсть отвисла. Он смотрел на банковского служащего, и выражение лица выдавало далеко не одно лишь любопытство. Брайс, оставшись довольным своими наблюдениями, повернулся, чтобы выслушать показания мистера Чилстона.

Поведал он не так уж много, но факты имели важное значение. Два дня назад – то есть за день до своей смерти – мистер Джон Брэйден зашел в банк «Лондон энд колониз», представился и заявил, что недавно прибыл в Англию из Австралии, где жил нескольких лет. После чего попросил разрешение открыть счет на свое имя. Предъявил рекомендации, выданные отделением «Лондон энд колониз» в Мельбурне, которые оказались удовлетворительными. Как только счет открыли, он положил на него сумму в десять тысяч фунтов по аккредитиву, выписанному австралийским филиалом. При этом не стал снимать со счета наличных денег, небрежно сославшись на то, что его карманы на данный момент буквально набиты деньгами, которых хватит на длительное время. Не взял он даже предложенной ему чековой книжки, пообещав вернуться за ней позднее.

– Он не дал нам своего адреса ни в самом Лондоне, ни в каком-либо другом городе Англии, – продолжил свидетель. – Сообщил, что прибыл на вокзал Чаринг-Кросс тем же утром, совершив ночное путешествие по железной дороге из Парижа. Собравшись снять номер в одном из лондонских отелей, он должен был потом нанести несколько деловых визитов в провинцию, после чего намеревался вновь посетить наш банк. Лично мне он почти ничего не сообщил о себе, поскольку в этом не было необходимости: рекомендации от наших коллег в Мельбурне устроили меня. Но он упомянул о том, что несколько лет успешно занимался в Австралии спекуляцией земельными участками, а теперь в его планы входило окончательно обосноваться в Англии. Это все, что мне стало известно, – завершил свое выступление свидетель. – Но к этому, – добавил он, доставая из кармана газету, – я бы присовокупил частное рекламное объявление, которое я заметил в сегодняшней «Таймс», купленной по пути сюда. Вам бросится в глаза, – сказал он, передавая газету эксперту, – что его наверняка дал именно мой злополучный клиент.

Судебный эксперт просмотрел отмеченные строки в колонке частных объявлений, а потом зачитал их вслух.

– Текст выглядит так, – провозгласил он. – «Если это попадет на глаза старому другу Марко, он поймет, что Стикер желает снова встретиться с ним. Писать на имя Дж. Брэйдена через банк «Лондон энд колониз» на Треднидл-стрит в Лондоне».

Брайс следил за реакцией Рэнсфорда. Не ошибся ли он, заметив, как вздрогнул доктор, как покраснели его щеки, когда он услышал содержание объявления? Скорее всего, не ошибся,

хотя Рэнсфорду хватило нескольких секунд, чтобы овладеть собой и ничем больше себя не выдать. Брайс вновь сосредоточил внимание на судебном эксперте и на свидетеле.

Но свидетелю оказалось нечего больше добавить, если не считать предложения связаться с филиалом в Мельбурне и запросить информацию у них, поскольку в Англии никаких других данных добыть не представлялось возможным. Вторая часть слушаний закончилась, и началась завершающая, ход которой вызывал у Брайса все нараставшее возбуждение. Скоро стало ясно, что версия, которую накануне в клубе изложил молодой архитектор Арчдейл, была взята властями на вооружение, а посещение членами жюри места происшествия имело четкую цель – склонить и их мнение в ее пользу. Теперь самого Арчдейла, представлявшего группу специалистов-архитекторов, постоянно державшую под наблюдением состояние собора, вызвали, чтобы он высказал свою просвещенную точку зрения. Арчдейл повторил сказанное сутками ранее. После него трибуну предоставили старшему каменщику, полностью с ним согласному: истинная правда – камни галереи именно в том месте посетители отполировали обувью до такой степени, что оно стало скользким, причем имело заметный наклон в сторону открытого дверного проема, а потому невезучий незнакомец потерял равновесие, и его буквально вынесло сквозь арку на лестницу святого Райты. И хотя по просьбе присяжных Варнера тоже выслушали, а он твердо держался своей истории про руку, которая никак не могла принадлежать самому погибшему, стало очевидно, что жюри склонно разделять суждение эксперта об ошибке, в волнении и испуге допущенной Варнером. Никого не удивило, когда после краткого совещания старшина присяжных огласил вердикт, объявив случившееся смертью в результате несчастного случая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.